

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Дамы выбирают кавалеров

12

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ ВДОВА

Марина Крамер
Судьбу не изменить, или
Дамы выбирают кавалеров
Серия «Черная вдова
Марина Коваль», книга 12

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17926592
Марина Крамер Дамы выбирают кавалеров Черная вдова Марина
Коваль #12: Э;

Аннотация

Добропорядочная англичанка Мериэнн Силва, в недалеком прошлом – глава крупной криминальной группировки уральского города Марина Коваль по кличке Наковальня, которая считается погибшей, узнает, что ее сводный брат, бывший генерал милиции Дмитрий стал кандидатом на пост мэра в родном городе. Вместе с мужем Женей Хохлом (Джеком Силвой) она решает разобраться, с какой целью брат затеял это предприятие, да еще при финансовой поддержке старого соратника Наковальни Миши Ворона. Приехав на родину, Марина и Хохол попадают в эпицентр разборок между Вороном и внезапно воскресшим из мертвых бывшим мэром, а заодно – местным смотрящим Гришей Бесом...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	41
Глава 7	50
Глава 8	62
Глава 9	72
Глава 10	80
Глава 11	86
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Марина Крамер
Дамы выбирают кавалеров
Черная вдова
Марина Коваль #12

Пролог

Нестерпимая духота загоняла жителей под кондиционеры и в бассейны, но даже это не помогало. Сухой горячий воздух проникал всюду, песок скрипел на зубах, а тягучие ароматы, доносившиеся с расположенного неподалеку базара, вызывали головную боль. На террасе большого дома из светлого кирпича мужчина в льняных свободных штанах и расстегнутой на груди широкой рубашке налил себе апельсиновый сок из стоявшего перед ним кувшина и пробормотал:

– Еще немного, и я сойду тут с ума.

– Давай вернемся – в чем проблема? – Женщина в бело-голубом пеньюаре перекинула ногу через подлокотник плетеного кресла и взяла сигару, дымившуюся в пепельнице на стеклянном столе.

Ее собеседник, потирая пальцами виски, только пробормотал вполголоса:

– Была б моя воля – уже бы давно вернулся. Сама знаешь – пробовал, не вышло пока. Но ничего...

– Твоя воля тут ни при чем, – тут же отреагировала женщина, – я тебе сто раз говорила: есть вещи, которые неподвластны тебе, хоть на голову встань. Но ты ведь никогда меня не слушал, сам ведь умный. Только вот благодаря твоему уму мы и торчим здесь столько времени!

– Ладно, хватит! – Он легонько хлопнул ладонью по столу, но женщина ничуть не испугалась:

– Не любишь правду? Ну, еще бы!

– Ты не слышишь, да? Я сказал – хватит! – чуть повысив голос, повторил мужчина и отвернулся.

Она обиженно замолчала, но продолжила сверлить прозрачными голубыми глазами его затылок до тех пор, пока мужчина не поднялся и, чуть качнувшись, не пошел в дом, бросив с порога:

– Опять мигрень начинается... жара, наверное...

Женщина потушила сигару, потянулась как кошка и встала, с ненавистью глянув на улицу:

– Как мне тут все осточертело... Купить бы верблюда и отвалить куда-нибудь в пустыню, на фиг...

Глава 1

Бристоль, Англия

– По-твоему, скаутский лагерь – это хорошая идея?

Худая высокая блондинка в длинном ярко-фиолетовом кимоно стояла перед большим витражным окном и курила, глядя на залитую дождем улицу. За ее спиной, у импровизированной барной стойки, заменявшей кухонный стол, сидел широкоплечий мужчина с выкрашенными в белый цвет волосами, остриженными «ежиком». Лоб его пересекал наискось небольшой шрам от ожога. На мраморной столешнице дымилась чашка кофе и сигарета в пепельнице, чуть поодаль – большая тарелка омлета с беконом и вторая, с тостами, намазанными абрикосовым джемом. Мужчина тяжело вздохнул, не реагируя на заданный вопрос, и блондинка повторила, не оборачиваясь:

– Джек, я спросила – ты считаешь, что скаутский лагерь – это хорошая идея?

– Мэриэнн... мы уже все обсудили и решили, а Грег собирает вещи в своей комнате – ты чего еще хочешь? Он рад, что поедет – тебе чего еще?

– Я буду скучать.

– Это аргумент, – кивнул мужчина, покрытой рубцами рукой беря сигарету из пепельницы, – мамочка будет скучать.

А когда мамочка очертя голову несется в заморские дали за какой-то своей надобностью – она не скучает? Ей ведь наплевать, как мы тут – и Грег, и я.

– Женья, хватит.

– Джек я, а не Женья. Что – хватит? Не нравится, когда правду говорю?

– Ты не понимаешь, – блондинка подошла к нему вплотную и обняла, положив голову на плечо, – когда я уезжаю, то он остается с тобой, и мне спокойно, я ведь знаю, что ничего не случится – ты не позволишь. А там он будет один...

– Почему один? Их там целый отряд. Надо же когда-то парню побыть самостоятельным. Ты не сможешь всю жизнь держать его под юбкой. И все, хватит – я сказал: Грег поедет в лагерь, и это больше не обсуждается.

Блондинка обошла высокий барный табурет, на котором сидел Джек, забралась к нему на колени и, прижавшись к его груди, пробормотала:

– Обожаю, когда ты такой...

– Ну, какой я? – обнимая ее, спросил Джек. – Я всегда одинаковый, это ты вечно чудишь, Маринка. Серьезно говорю: перестань эти разговоры заводить, особенно при Грее. Он настроился, хочет поехать, ждет – а тут ты со своими бабскими глупостями. Ты ж сама хотела, чтобы он мужиком рос, а не избалованным маменькиным сынком. Ну, так и не мешай. А мы с тобой найдем чем заняться в этот месяц.

– Не сомневаюсь, – она потерлась щекой о его щеку, по-

целовала и легко прыгнула с колен. – Я говорила, что люблю тебя?

– Сегодня – еще нет, – удовлетворенно хмыкнул он, докуривая сигарету.

Пока Мэриэнн, она же – Марина Коваль, убирала тарелки и чашки в посудомойку, Джек Силва, ранее живший под именем Жека Хохол, успел подняться наверх, в комнату сына, и проверить, чем занят мальчик. Одиннадцатилетний Грегори только закончил упаковывать вещи в большой рюкзак и теперь сосредоточенно изучал что-то в карманном компьютере.

– Чем занят? – поинтересовался Хохол, входя в комнату и усаживаясь прямо на ковер у кровати, на которой лежал сын.

– Хочу карты посмотреть. Там, оказывается, есть пещера, и вожатые сказали, что мы ее обязательно исследуем. Ройстонская пещера – слышал?

– Нет, но это здорово. Ты фонарь возьми, пригодится. И вот еще... – Женька сунул руку в карман спортивных брюк и вынул небольшой складной нож со множеством полезных функций – от отвертки до открывалки для бутылок. – Это тебе. Тоже пригодится.

Грег, отложив компьютер, взял нож и принялся открывать все, что в нем было. Вскоре на его ладони оказалось какое-то маленькое чудовище, ошетилившееся кусками металла разной формы и назначения. Грегори осмотрел каждый пред-

мет и с восхищением посмотрел на отца:

– Ого... Спасибо, пап!

– Не за что. В походе обязательно понадобится.

– А вы чем тут будете заниматься? – спросил Грег, ложась на спину и свесивая голову с кровати так, что она оказалась как раз на плече у отца.

– Пока не решили. Хотел маму в Черногорию позвать, пусть бы на солнышке погрелась, но не знаю, как она отреагирует, – потрепав мальчика по темным волосам, ответил Хохол.

– Ей бы не помешало. Ты заметил – она опять стала нервная какая-то, то плачет, то наоборот – сильно веселая? – сказал Грегори задумчиво, и Хохол напрягся:

– Тебе показалось.

– Нет, не показалось. Я тут на днях ночью попить пошел, а она сидела внизу в гостиной и с Машей по скайпу разговаривала. Ты не думай, я не подслушивал! – торопливо пояснил мальчик, заметив, как нахмурился отец. – Просто она в полный голос говорила, было слышно. Так вот, она Маше жаловалась, что ее все тут угнетает, что она устала и хочет все бросить. Может, ей не надо рестораном заниматься? Хотя бы летом, а? Ведь есть управляющий.

– Я с ней поговорю, – серьезно пообещал Хохол, – думаю, что ты прав – ей нужно отдохнуть. И в Черногорию мы все-таки поедem, а ты, когда вернешься из лагеря, прилетишь к нам.

– Что, сам? – удивился и обрадовался Грегори, но отец отрицательно покачал головой:

– Сам ты пока так далеко один лететь не должен. Гену попросим.

Однорукий телохранитель Гена жил теперь здесь, в Бристоле, и Марина с Хохлом довольно часто обращались к нему за помощью. Лицо Грега чуть омрачилось – ему очень хотелось впервые полететь куда-то одному, без сопровождающих, но спорить с отцом он не стал – с Геной так с Геной.

– Ты только маму уговори, а то я знаю – уеду, а она скажет, что не устала, и все лето будет здесь газами дышать, – серьезно сказал он, и Хохол фыркнул:

– Я, конечно, постараюсь, но не гарантирую – ты ведь знаешь нашу маму.

Они посмотрели друг на друга и заговорщицки захихикали.

На самом деле Хохлу весело не было, он просто старался не показать сыну, как расстроен тем, что услышал от него. Женька всегда старался хоть как-то оградить мальчика от их разборок с женой, от ее порой довольно экстравагантных выходок и тяжелого характера. Удавалось не всегда. Чем старше становилась Марина, а соответственно, и сам Хохол, тем тяжелее было контролировать ее. Да и кто мог бы похвастаться тем, что держит под контролем саму Наковальню, возглавлявшую когда-то давно огромную группировку в небольшом зауральском городке? Никто – даже ее собствен-

ный супруг Женька Хохол. С годами Марина не сделалась мягче и легче в общении, хотя и старалась сдерживать себя. Но как, куда спрячешь характер, в котором больше мужского, и совершенно не женский мозг, больше похожий на вычислительный центр? Умение предугадать ситуацию на два шага вперед несколько раз спасало жизнь не только ей, но и близким людям, и считать это минусом Марина не хотела. Она любила их, как умела – мужа и сына, которому не была биологической матерью. Ребенок ее первого мужа, довольно рано погибшего Егора Малышева, стал ей родным с той самой секунды, когда она впервые взяла его, десятимесячного, на руки в больничной палате. И с той минуты она ни разу не пожалела о том, что сделала, и Хохол смог стать мальчику отцом – настоящим отцом, который любит и воспитывает. Правда, Грегори еще в пятилетнем возрасте узнал, что Хохол ему не родной, и с тех пор периодически в доме возникали довольно неприятные ситуации, когда мальчик прямо заявлял об этом. Но Марина была непреклонна и не давала сыну спуска в этом вопросе. Правда, в последнее время Грег немного поубавил прыть, испугавшись вида Хохла в больничной палате, куда тот угодил после тяжелого инфаркта. Коваль тогда привела сына в больницу и жестко сказала:

– Выбирай. Если ты скажешь – мы сейчас уйдем отсюда и больше никогда не увидим Женю. Но если ты не хочешь этого – запомни, что с этой минуты ты не смеешь больше рта открыть на тему, что он тебе не родной.

Не на шутку испуганный Грегори посмотрел в глаза матери и понял, что та говорит серьезно и от его слова сейчас зависят три жизни. Представить себе, что по утрам к нему в комнату не будет приходить Хохол, Грегори не мог. Он не был жестокосердным, он был обычным мальчишкой, которому иной раз не хотелось делить внимание матери с кем-то еще, но зла Хохлу он не желал никогда. Представив, что случится с Женькой, находившимся в тот момент в довольно тяжелом состоянии, если вдруг они с матерью уйдут и больше никогда не вернутся, Грегори испугался. И в этот момент он сделал окончательный выбор и больше уже не произносил вслух фразу «ты мне не отец». Со временем эта ситуация немного сгладилась в его памяти, но обещание свое Грегори выполнил – самым страшным для него было выглядеть в материнских глазах человеком, не умеющим держать слово. Он прекрасно знал, что таких она не уважала и ни во что не ставила. Хохол не держал на него зла, наоборот – старался и Марине объяснить, что мальчик просто запутался, но упрямая Коваль все равно сделала все, чтобы сын не смел больше заикаться на тему кровного родства с Женькой. Ей было очень обидно за мужа, который, имея на руках совершенно неподвижную после тяжелого ранения, ничего не соображающую женщину, не избавился от чужого ребенка, хотя вполне мог бы облегчить себе жизнь. Наоборот – вывезя в Англию и Марину, и Грега, Женька сделал все, чтобы мальчик научился говорить по-английски, чтобы смог быст-

рее адаптироваться в новых условиях. Сам Женька так и не выучил языка, разве что несколько бытовых фраз, произносимых с ломовым акцентом, но для маленького Грегa нашел девушку-студентку, проводившую с мальчиком время до того момента, пока Коваль не пришла в себя и не встала на ноги. Марина постоянно напоминала об этом сыну, не желая, чтобы тот вырос неблагодарным, но Хохол в такие моменты страшно злился на жену:

– Ты выставляешь все так, словно я подвиг совершил. А ведь это нормально. Будь я его родным отцом – ты не стала бы так уж расписывать то, что я сделал, потому что считала бы это моей отцовской обязанностью. Так почему же ты думаешь, что у меня хоть раз мысль закралась о том, что он мне не свой и я могу от него избавиться? Ты кем меня считаешь-то?

– Я считаю тебя самым надежным, верным и порядочным человеком из всех, кого я знала, – просто отвечала она, прикикая к мужу и понимая, что он прав.

В какой-то момент к Коваль вдруг пришло осознание того, что Женька – единственный мужчина, ни разу не предавший ее, не отступивший, не бросивший в тяжелых ситуациях, вытерпевший столько, что страшно даже подумать. Он любил безусловно, безоглядно, бездумно, ему важно было просто ее присутствие в его жизни. Во время последней поездки в Россию Марина вдруг взглянула на мужа совершенно другими глазами и поняла, что никого другого ей и не нуж-

но, а все мимолетные романы, что она заводила, не имеют никакого значения – легкая связь, чтобы держать Хохла в тонусе. Но на самом деле никто, кроме Женьки, ей и не нужен. Она до сих пор сходилась с ума, прикасаясь к его испещренной татуировками и шрамами груди, чувствуя его огромные руки, покрытые рубцами с тыльной стороны. Эти рубцы и шрамы Коваль могла целовать часами, что до сих пор страшно удивляло Хохла – по его мнению, выглядели его руки и грудь отвратительно, но у жены было свое мнение.

Марина любила собственное ощущение от этой близости – ощущение покорности и чужой власти. В последнее время Хохол перестал забываться и рукоприкладствовать, как бывало раньше, но, возможно, это просто она сама перестала давать ему поводы для этого? Женька бил ее от бессилия, от невозможности контролировать, сам потом очень жестоко страдал и мучился как от физической боли, хотя никогда не позволял себе больше одного удара – боялся не рассчитать силу и убить. К собственному удивлению, Марина никогда не держала на него зла или обиды за это. Никому она не позволила бы подобного и не простила бы, но Женька... Между ними было что-то большее, чем просто связь. Она доверяла ему слепо, не проверяя и не оглядываясь, потому что знала – он отгрызет себе руку, но защитит ее в любой ситуации.

К счастью, за последний год в их жизни ничего не происходило. Как шутила иной раз Марина – перестало взрываться и гореть все, к чему она прикасается. Хохол был очень до-

волен этим обстоятельством – Марина стала спокойно спать ночами, даже, кажется, курила меньше, с удовольствием занималась делами ресторана, ездила с Грегори на соревнования по единоборствам, которыми тот занимался с большим успехом. И вот сегодня сын вдруг обратил его внимание на то, что мать снова стала нервной и усталой, жалуется на жизнь живущей в далекой Сибири подруге. Это не предвещало ничего хорошего. Женька подумал, что, возможно, есть что-то, о чем жена не говорит ему, и это тоже нехорошо. После появления таких тайн она обычно срывалась в Россию, где непременно происходило что-то, требовавшее ее постоянного участия. Там остался Мишка Ворон – человек, с которым у Марины было общее прошлое и чуть-чуть – в настоящем. Он знал, что Наковальня не погибла, хотя на кладбище уже много лет есть ее могила, как и знал, где и как ее найти в случае надобности. В прошлом году Марина помогла ему выпутаться из довольно неприятной истории, и Хохол очень надеялся, что на этом все и закончится. И вроде так и было весь этот год. Так почему вдруг сейчас Марина снова стала нервной? Нужно непременно это выяснить. Выяснить – и принять меры, пока все не стало сложно.

Глава 2

Урал

– Мы зря все-таки решили лезть в эту предвыборную кампанию.

– Мы бы зря решили, если бы я сам избирался, – в голосе сидевшего за столом мужчины звучали нотки снисходительности, и его помощник, молодой высокий парень лет тридцати с небольшим, недовольно поморщился – в снисхождении он не нуждался, а мнение свое привык высказывать прямо и четко.

– Это я понимаю. Но вы ведь вкладываете деньги, а это риск.

– Любое дело, сопряженное с деньгами, всегда риск. Но можно всю жизнь просидеть, трясясь над пятью рублями, а можно однажды рискнуть и поднять пять миллионов, Вова. – Хозяин кабинета дотянулся до большого проигрывателя дисков и щелкнул кнопкой, наполняя помещение звуками джаза и голосом Нэта Кинга Коула.

Вова снова поморщился, но так, чтобы не заметил хозяин – джаз тот любил едва ли не больше всего на свете и не терпел критических замечаний по поводу собственного вкуса в музыке. Но Коул... Как будто нет ничего посвежее!

Владимир Суриков стал работать у предпринимателя Во-

ронцова, владевшего большой сетью автосалонов и автосервисов в области, около двух лет назад. Автомагнат, как его здесь принято было называть, искал себе в помощники человека с юридическим образованием, чтобы мог контролировать некоторые проекты, а Вова как раз оказался на улице после банкротства небольшого заводика, выпускавшего всякую хозяйственную мелочь. Познакомила их Ксюша – тогдашняя любовница Воронцова и давняя соседка Вовы по лестничной площадке. Буквально через год эта самая Ксюша внезапно «сошла с катушек», как это определял сам хозяин, и решила во что бы то ни стало выйти за Воронцова замуж. Но если он не женился на ней в те годы, когда Ксюша была намного моложе и свежее, то с какой радости должен был сделать это сейчас? Вова хорошо это понимал, а вот Ксюша, видно, думала иначе. Когда она поняла, что вожденная фата и штамп в паспорте ей, увы, не светят, она устроила вообще невообразимое, наняв киллера из бывших охранников Воронцова. Нет, она не собиралась убивать его – к чему, когда у нее была совершенно иная цель. Ксюша рассчитывала сидеть возле раненого Воронцова и всячески изображать верную подругу и надежную сиделку, чтобы таким образом вынудить упрямого автомагната все-таки сделать ей предложение. Но в такой, казалось бы, стройной схеме неожиданно возникла брешь, и Ксюшу перехватили вместе с исполнителями. С тех пор Вова больше никогда ее не видел, хотя слышал краем уха разговоры о том, что бывшая королева

красоты и телеведущая с изуродованным до неузнаваемости лицом поселилась в Магадане, выезжать откуда совершенно не собирается.

Это происшествие заставило Вову Сурикова напрячься и поднять кое-какие связи в правоохранительных структурах, и вот тут-то он и выяснил, что респектабельный любитель джазовой музыки и хорошего виски Михаил Георгиевич Воронцов на самом деле является криминальным авторитетом Вороном, чья преступная карьера началась задолго до того, как Вова появился на свет. Сперва его охватила паника – меньше всего на свете Вове хотелось каким-то образом связываться с криминалом, пусть даже отошедшим далеко в прошлое. Но потом, взвесив все, он понял, что второго такого места в городе ему не найти, а чтобы уехать куда-то, нужен хоть небольшой, но капитал, которого у Вовы не было. Насколько он понял, ведя юридические дела фирмы Воронцова, в настоящий момент бизнес его был вполне легальным, хотя люди вокруг хозяина крутились разные. И ночной клуб, которым он владел еще с девяностых годов, казался вовсе не клубом, а местом схода всякого мутного народа. У Воронцова не было никакого отдельного офиса – только большой кабинет на втором этаже в этой самой «Матросской тишине», и там он решал любые деловые вопросы. Вова не возражал – ну, кто он такой, в конце концов, – но в клуб все-таки приезжал с опаской.

Неожиданное решение хозяина поддержать финансово предвыборную кампанию на выборах мэра удивило Сурикова. Он и не предполагал, что Ворон интересуется политикой. Когда же он задал этот вопрос хозяину напрямую, тот зашелся от смеха:

– Вовик, ты удивительно простодырый для юриста. Ну, посуди сам – кто откажется от возможности «прикормить» будущего мэра? Это же зеленый свет потом в любых проектах, в любых делах, понимаешь? Если я сейчас помогу человеку угнездить задницу в мэрское кресло – разве забудет он потом, что я для него сделал?

У Вовы на этот счет имелось свое мнение, кардинально отличавшееся от хозяйского. Он слышал историю о том, как давненько, правда, но не настолько, чтобы об этом забылось, на выборах губернатора одного из сибирских регионов команда местного предпринимателя поддержала кандидата из военных, а тот, получив кресло, резко развернулся на каблуке сапога и попер на благодетеля, да так, что ему пришлось несколько лет скрываться за границей и еще и отсидеть немного по довольно странному обвинению.

Вова, конечно, не знал подробностей, но историю эту напомнил Ворону. Тот выслушал внимательно, а потом, сунув в зубы дужку очков, проговорил загадочно:

– Это не тот случай. Мой кандидат против меня не попрет – ему резона нет, иначе вылетит пробкой от шампанского.

Выспрашивать подробности Вова не стал – просто побо-

ялся, и вот теперь именно ему выпала участь заниматься всеми этими предвыборными делами. На днях им предстояло знакомство с кандидатом.

Глава 3

Бристоль, Англия

Грегори уехал рано утром, Хохол сам увез его к месту сбора, запретив Марине ехать с ними:

– Ты расплачешься, испортишь ему настроение, он расстроится и будет жалеть, что поехал. Не порти ребенку каникулы, я серьезно прошу.

И Марина подчинилась. Она поцеловала сына перед входной дверью и даже во двор не вышла, хотя из-за занавески долго наблюдала за тем, как Грегори и Женька грузят в багажник «Гелендвагена» рюкзак, как мальчик садится на заднее сиденье и пристегивается ремнем безопасности, как Хохол выводит машину за ворота. Только после этого она позволила себе заплакать. Сын становился взрослым, еще пара лет – и он совсем отдалится от нее, поедет в колледж, у него начнется своя жизнь, и Марине в ней будет отведено совсем мало места. Это, конечно, нормально, и так должно быть – но как же больно... Они останутся с Женькой вдвоем в этом огромном доме – хоть в прятки играй.

Поплакав всласть, Марина вытерла глаза и пошла в кухню пить кофе, джезvu с которым заботливый Хохол оставил на зажженной спиртовке. Закурив, Марина смотрела в большое окно и думала, что же будет делать в отсутствие сына. Хо-

хол забрасывал удочку насчет поездки в Черногорию – там у них был собственный дом, как и на Кипре, но Марина не очень хотела лететь. Возможно, ей и стоит согласиться – все-таки море, солнце, свежий воздух, прогулки в сравнении с не очень жарким Бристолем выглядели предпочтительнее. Подумать можно... Но все телодвижения, связанные с перелетами и переездами, всегда вызывали у нее ужас. Конечно, когда было нужно, она собиралась, летела, ехала – но отдых... это было не то, ради чего Марина соглашалась рисковать состоянием нервной системы.

Мысли перекинулись на сына – как он проживет этот месяц в лагере без родных? Даже когда Марина уезжала, с Грегом всегда оставался то Хохол, то отец Марины, специально прилетавший из Москвы к дочери и зятю. А сейчас мальчик окажется среди чужих людей – пусть давно знакомых, но чужих. Это беспокоило Марину, и она злилась, чувствуя себя курицей-наседкой, готовой затолкнуть своего цыпленка в гнездо и сесть сверху, чтобы не мог выбраться.

«Женька прав – мальчик должен стать самостоятельным, а я мешаю этому. Но что делать, если я подсознательно все время боюсь, что с Грегом что-то случится? Я несу ответственность за него перед Егором, я поклялась на его могиле, что выращу его сына достойным человеком. Хотя... Егор тоже не одобрил бы моих попыток контролировать в жизни Грега абсолютно все. Я должна, должна дать ему больше свободы, дать возможность почувствовать ответственность и

принимать решения. Господи, как тяжело-то... Никогда не думала, что быть матерью – это такой тяжкий труд. Женька однажды сказал – мол, такой огромной бригадией ворочала, а что с годовалым пацаном делать – не знаешь. И ведь это правда...»

Кофе остыл, а зажженная сигарета, забытая на краю пепельницы, превратилась в длинный столбик пепла. Марина взъерошила волосы, потерла пальцами виски и встала, чтобы сварить новую порцию. Предстоял длинный день, в котором теперь образовались свободные часы, раньше заполняемые общением с сыном, и она задумалась о том, чем будет заполнять эту пустоту весь месяц. Каждый день ездить в ресторан? Ее присутствия там почти не требовалось – умение подобрать грамотную профессиональную команду всегда было сильной стороной Марины, а потому дела шли хорошо и без ее участия. Заставить Хохла каждый вечер доезжать до набережной и гулять там? Запала хватит от силы на неделю, а потом что?

– Научись вышивать крестиком, – насмешливо раздалось за спиной, и Марина от неожиданности уронила на пол джезву с только что сваренным кофе, едва не ошпарив ноги.

– С ума сошел?! Ты чего подкрадываешься?!

Хохол шагнул к ней и, подняв на руки, аккуратно переставил в другую половину кухни:

– Не обожглась? Нервная ты стала – ужас просто.

– Я задумалась, а тут ты...

– Ты задумалась вслух, дорогая. Аккуратнее с этим. – Женька вынул из небольшого узкого шкафчика швабру и принялся вытирать коричневую жижу с кафельного пола.

– Отвез? – игнорируя совет, спросила Марина, усаживаясь на барный табурет.

– Ну а куда я денусь? Отвез, конечно.

– Он... плакал?

– Мариш, ну, что ты, в самом деле? – укоризненно покачал головой Женька, убирая швабру на место и открывая кран, чтобы вымыть руки. – Он взрослый парень, ему одиннадцать лет почти, а ты все считаешь его чуть ли не грудным. Сама, кстати, учила, что мужики при людях не рыдают.

Марина опустила голову так, что отросшие волосы закрыли лицо, и по вздрагивающим плечам Женька понял, что она плачет.

– Ну что ты, в самом деле? – обнимая ее, спросил он. – Подумаешь – парень в лагерь уехал! Нашла причину для слез. Давай лучше подумаем, чем будем заниматься в образовавшемся отпуске. Ты точно решила, что в Черногорию не хочешь?

– Я не знаю, – пробормотала Марина, вытирая глаза, – я вообще ничего не хочу.

– Ну, еще бы, – понимающе протянул Женька, – это ясно – когда ничего не взрывается и не горит, нам сразу скучно, мы ничего не хотим и настроение у нас тоже поганое. А вот

в режиме аврала нам всегда легче живется, правда? Что-то давно никто оттуда не звонил и не орал – «караул, спасите», да?

Он говорил вроде бы со смехом, однако Марина чувствовала, что в словах Хохла никакого веселья нет, наоборот – он зол на нее. Зол – и прав, потому что в душе она давно поняла, что жизнь респектабельной английской дамы не по ней. Это не ее стихия, не ее ритм. Каждый наступающий день похож на предыдущий и будет похож на завтрашний, и можно почти поминутно заранее сказать, что произойдет. А для нее, привыкшей за много лет к совершенно иной жизни, к суете и опасности, это оказалось слишком тяжело. И вся хандра, нервы и скука – от этого. А Хохол просто устал, он старше, ему тяжелее далось последнее «приключение» в России. До сих пор на лбу у него довольно заметный след от ожога, а на груди – уродливые рваные шрамы, оставленные гранатными осколками. Если бы не Леон, телохранитель Мишки Ворона, то Хохла могло бы уже и не быть. Но он заслонил собой Женьку, и оба остались живы, хотя Леону досталось куда сильнее. Конечно, у Хохла имелись причины злиться на жену.

Она положила руки поверх его, обнимавших ее плечи, и проговорила виновато:

– Я тебя совсем измучила.

– Не в том дело, – зарываясь лицом в ее волосы, пробормотал Хохол, – я из кожи вон лезу, чтобы тебе было хорошо,

а тебе все равно плохо, оказывается. Мне это хуже ножа, Маринка. Я обещал себе и твоему мужу, что ты будешь счастлива, что я все для этого сделаю, и теперь, выходит, проотвечался.

– Не надо, Жень... ты все сделал, сдержал слово. Дело не в тебе, ты ведь понимаешь. Это я... Наверное, я неблагодарная сволочь. Я очень счастлива с тобой – разве ты не видишь? Ни с кем так не было бы, ты же весь для меня. А я просто не умею этим наслаждаться, не умею, понимаешь?

Она откинула голову ему на плечо и тяжело задышала. Женька не любил этого ее состояния – сейчас начнет плакать, потом у нее заболит голова, и остаток дня ей придется провести в комнате с зашторенными окнами и в полной тишине.

– Не надо, котенок, – попросил он, изгибаясь и целуя ее в шею, – я ведь все понимаю, не первый же день знакомы. Давай все-таки подумаем о поездке, а? Не хочешь в Черногорию, можно на Кипр, только там жарко сейчас. Хочешь, позвони Марье, пусть берет Алену и с нами едет.

– Не поедет она, нельзя ей летом в жару, ты ведь знаешь. Да и в Москве она сейчас, одна, без Алены, – отозвалась Марина, давая подкатившиеся слезы. – Наверное, ты прав – поедем, заказывай билеты.

И Хохол в душе возликовал – удалось! Значит, хоть перед Грегом ему не будет стыдно, потому что мальчик взял с него обещание непременно вывезти мать на море и заставить от-

ДОХНУТЬ.

Глава 4

Урал

Ворон блаженно вытянулся на полке в бане и закрыл глаза. День прошел с пользой, и это держало его в тонусе – успех в делах всегда подстегивал и настраивал на позитивные мысли. Если все пойдет так, как он задумал, то через полгода в этом городе у него вообще не останется конкурентов. Собственный прикормленный мэр – ну, о чем еще мечтать? Вот только фамилия почему-то настораживала. Хотя «мало ли в Бразилии Педро», как говорилось в одном старом фильме. Вполне может оказаться однофамильцем, да скорее всего, это так и есть.

– Эх, бабу бы сейчас, – мечтательно пробормотал Ворон, глядя в обшитый березовыми плашками потолок бани, но потом, вспомнив что-то, поморщился: – Хотя на фиг.

Последняя пассия, Ксюша Короленко, надолго отбила у Мишки охоту к развлечениям с представительницами прекрасного пола. Почти целый год Ворон воздерживался от любых связей, тем более длительных, настолько напугала его любовница, ухитрившаяся организовать покушение на него.

– Вот почему все бабы не могут быть такими, как Наковальня? Ну, не баба – сказка же! А досталась в итоге отморожку Жеке Хохлу, – продолжал размышлять вслух Ворон,

вспоминая давнюю свою знакомую Марину Коваль. – И чего я, дурень, не подсуетился вовремя? С ее мозгами мы б вообще горя не знали, это ж какая хватка – не всякому мужику такое снилось. Чего она нашла в этом Хохле? И ведь любит же, судя по тому, что я тут видел. Леон! – заорал он вдруг. – Леон, пивка принеси мне!

Через несколько минут в баню зашел высокий светловолосый мужчина в спортивном костюме. Правый глаз его был закрыт кожаным кружком, правое ухо отсутствовало, а через всю щеку тянулся розовый неровный рубец. Обе руки телохранителя тоже были сильно обожжены, а на левой еще и не хватало двух пальцев, но это не мешало Леону удерживать поднос с пол-литровой кружкой пенящегося пива.

– Ставь сюда, – похлопал по полку рядом с собой Ворон. – Слышь, Леон, а пробей-ка мне информацию кое-какую.

– Слушаю, – отозвался телохранитель, забирая поднос.

– Коваль Дмитрий Викторович.

Леон удивленно вздернул левую бровь:

– В смысле? Это же кандидат на мэрское кресло.

– Это я и без тебя знаю, – поморщился Ворон, садясь и беря кружку. – Эх, хорошо... – крикнул он, сделав большой глоток холодного напитка. – Официальную мульку я два раза прочитал, а ты мне нарой все что можно из, так сказать, неофициальных источников. Потому что сдается мне, что-то нечисто с этим кандидатом. Уж больно фамилия у него для нашего города звонкая. Улавливаешь? – Он вопросительно

посмотрел на телохранителя.

– Вы думаете, что он как-то связан?.. – Договаривать Леон не стал, справедливо опасаясь, что произносить догадку вслух не стоит, Ворон и так все поймет.

– Что-то мне подсказывает, что вполне может быть такое. Но проверить надо, мало ли. Фамилия не то чтоб очень уж редкая, но тут еще и отчество...

– Тоже не Сигизмундович, в общем-то, – пожал плечами Леон, – но я, конечно, проверю. А вы напрямую спросить не хотите?

– Ты что – больной? Конечно, не хочу. Ей только дай тему – она ее вмиг разовьет, а мне без интереса, чтобы она сюда вернулась.

– С чего бы ей возвращаться? Им и там неплохо.

– Ну-ну, – неопределенно протянул Ворон и снова приложился к кружке. – Ты иди, Леон, иди...

Телохранитель вышел, плотно закрыв за собой двери парилки. Бросив поднос на стол в предбаннике, Леон вышел на крыльцо, закурил и задумался. Если выяснится, что новоиспеченный кандидат на мэрское кресло действительно приходится каким-то родственником Наковальне, то он должен предупредить ее раньше, чем принесет эту информацию Ворону. Леон умел быть благодарным и прекрасно помнил, кто именно спас ему жизнь, оставил крупную сумму денег на банковской карте, а также устыдил Ворона, и тот после выписки из больницы и реабилитации снова взял его к себе на

работу, пусть и не совсем телохранителем уже. Если бы не Марина, неизвестно, курил ли бы сейчас Леон вот эту сигарету. Не будь ее – и Ворон, скорее всего, не повез бы его, обожженного и тяжело раненного, в больницу. Но Марина настояла, и благодаря ей Леон выжил и смог снова встать на ноги. И теперь самое малое, чем он может ей отплатить, – это предупредить о происходящем в их городе.

Леон вспомнил, как перед тем как уйти из больницы, Жека Хохол сунул в его тумбочку небольшой листок бумаги, на котором написал свой номер телефона. Леон положил его за обложку паспорта – на всякий случай, чтобы просто не объяснять никому, откуда у него чей-то номер с английским кодом. Теперь нужно улучшить момент, когда он останется один, и позвонить Жеке – так будет лучше. Хохол все-таки знает свою жену и сможет предугадать реакцию. Хорошо бы, чтобы этот потенциальный мэр оказался однофамильцем – Леону меньше всего на свете хотелось причинить неприятности Марине. А в том, что эти неприятности неминуемо возникнут, он почему-то не сомневался.

Глава 5

Бристоль, Англия

Утро началось ссорой. Обычная такая семейная ссора – как у всех. Кто и что первым не так сказал, даже не поймешь, а выливается в приличный конфликт. Хохол держался как мог, сглаживал, пытался спустить на тормозах, но в конце концов тоже не выдержал и заорал, чем окончательно вывел и без того легко возбудимую Коваль из себя. Сочтя за благо ретироваться, Женька пошел из кухни, и вот тут едва не произошло непоправимое. Нож – тяжелый, из тех, что используют для тренировок десантники, – как-то сам собой лег в руку. Марина даже не сразу поняла, откуда он взялся, как попал на стол – обычно Хохол держал такие вещи в небольшой запирающейся беседке на заднем дворе. Но рукоять так удобно и привычно улеглась в ладони, словно всю жизнь там и лежала. Размахнувшись, Марина бросила нож, и тот, пролетев через кухню, воткнулся в дверь над самым ухом Хохла. Тот слегка дернул щекой, стараясь ничем не выдать того, что именно испытал секунду назад, услышав стремительно приближающееся к голове лезвие. Марина же, глядя на глубоко вошедший в дверь нож, вдруг поняла, что натворила. Но даже теперь она не могла показать мужу всю глубину своего ужаса, отчаяния и страха – нет, только не это, она сильнее,

она всегда сильнее, она же Коваль, она не боится и не жалеет.

– Ну, что ж, пора, чувствую, в дурку вещи упаковывать, – проговорила она спокойным тоном, но Женька, проживший с ней много лет, хорошо знал цену этому спокойствию.

Марина, повернувшись на каблуке, вышла в гостиную через вторую дверь, находившуюся у нее за спиной, и щелкнула замком. Хохол, с усилием вырвав из покореженной доски нож, повертел его в руках, зачем-то провел по лезвию пальцем, оставив на подушечке тонкий порез и чуть видную кровавую дорожку, а потом, размахнувшись, изо всех сил швырнул нож в ту дверь, за которой только что скрылась жена:

– С-сука!

– Ну все верно, – раздалось из-за двери насмешливое, – уж если менять, то обе синхронно, чего ж с разными-то жить будем? Молодец, Хохол, дизайнер прямо.

– Заткнись! – заорал он, не в силах контролировать себя. – Заткнись, я тебе сказал, сука полоумная! Совсем башней поехала?! Ты в кого ножи мечешь, малахольная?! Слова сказать нельзя! А если бы пацан дома был?!

– Вот это тебя и спасло! – отрезала Марина, по-прежнему не открывая двери, чтобы муж не увидел, как она бессильно сидит за ней на полу и, кусая губы, старается не заплакать от нахлынувшего ужаса.

Хохол хлопнул себя по губам, сообразив, что, будь Григори дома, мог услышать, какими словами он только что крыл его мать, а подобных выходок при сыне он себе не позволял.

Даже хорошо, выходит, что его нет дома. Но что теперь делать с Мариной? В какой-то момент рука у нее не дрогнет, и что тогда? А ведь на месте Хохла может оказаться кто угодно – от управляющего рестораном до юриста или официанта. И что потом делать?

– Открой, котенок, – постучал он, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью, но там молчали.

Женька примерно представлял себе картину – Марина сидит на полу, подпирая дверь спиной, и, вонзив ногти в ладони, старается сдержать слезы. Ей уже стыдно за вспышку гнева и за полетевший в его сторону нож, она уже поняла, что едва не натворила, но встать, открыть дверь и признать свою неправоту она, конечно, не может. И вот это последнее, кстати, угнетает ее сильнее всего.

– Мэриэнн, открой.

Когда ответа опять не последовало, Женька изо всех сил ударил в дверь ногой. Раздался треск, и в полотне образовалась приличная дыра. Он просунул руку и открыл замок. Жена лежала на полу без сознания, и это испугало Женьку сильнее летевшего в его голову ножа. Упав на колени рядом с неподвижным телом, он стал трясти ее за плечи:

– Котенок, что с тобой? Очнись! – Но она моталась в его руках как тряпка и в себя не приходила.

Опустив ее на ковер, Женька метнулся в кухню, достал из аптечки нашатырный спирт и, обильно смочив кусок ваты, вернулся обратно. Поднеся вату к лицу Марины, он свобод-

ной рукой крепко обхватил жену за плечи и прижал к себе. Коваль закашлялась и открыла глаза, мгновенно заслезившиеся от едких испарений нашатырного спирта:

– Что случилось?

– Ты сознание потеряла, – убирая вату и поднимая Марину на руки, ответил Хохол.

– А... до этого?

– Не помнишь?

– Нет...

– Удобно, – пробормотал Женька, укладывая Марину на диван и садясь рядом.

Марина чуть приподнялась, подоткнув под спину подушку, и жалобно посмотрела на мужа:

– Я действительно ничего не помню...

– Говорю же – удобно. Швырнула нож мне в башку – и отключилась. А в другой раз очнешься – а я рядом, тепленький еще. Что делать будешь?

Она в ужасе отшатнулась от него:

– Что несешь?! Какой... нож?

– А мой, десантный, который Генка подарил, – невесело усмехнулся Хохол, пощипывая усики. – Хорошо, кстати, бросаешь – дверь пробила. Откуда силы столько?

Марина вцепилась в волосы и опустила голову:

– Я действительно ничего не помню...

Хохол, глядя на опущенную голову жены и ссутулившиеся плечи, испытал прилив нежности и отчаяния одновременно.

Он понимал, что до Марины дошло то, что могло случиться пару минут назад, и теперь она страдает, но еще больше ее испугал вот этот провал в памяти. Он сгреб ее в охапку, усадил к себе на колени и крепко прижал:

– Ну, успокойся, моя маленькая, не надо. Все обошлось, я живой...

– А в следующий раз можешь быть мертвый, – всхлипнула она, утыкаясь лбом в его грудь.

– Я не могу умереть раньше тебя, Маринка. Так не будет. Я должен быть рядом, должен тебя защитить от всего.

– А я в благодарность за это бросаю в тебя ножи... повезло тебе с женой...

– Мне – повезло, – с улыбкой подтвердил он, чуть покачивая ее на коленях, как ребенка, – ты совершенно права, мне повезло с женой. Я ее добивался много лет, и вот она со мной. Моя мечта сбылась, ты – моя женщина, ты мать моего сына – что еще желать? Ты принадлежишь мне.

– Ты ненормальный, Хохол, – снова всхлипнула она, и он со смехом согласился:

– Конечно. А кто нормальный ужился бы с тобой? Поцелуй меня. Нет... не так, – он буквально сбросил ее с колен на пол и запустил руку в волосы. Коваль никогда не нужно было повторять дважды, даже в таком состоянии она знала, что имеет в виду муж.

– ...О-ох, ну, вот и сняли стресс... – Хохол в изнеможении

вытянулся прямо на ковре и блаженно закрыл глаза.

Марина легла рядом, уютно устроившись под его рукой, и прижалась всем телом к разгоряченному телу мужа. Он осторожно поглаживал ее изуродованной рукой, вызывая легкую дрожь, и Марина тихонько застонала:

– Ну, почему ты такой? Почему мне никогда не бывает достаточно? Даже когда уже нет сил?

– Потому что тебе со мной хорошо.

– Нахал, – пробормотала она, закрыв глаза.

– Еще бы! Был бы не нахал – так и не вышло бы у меня ничего с тобой, дорогая.

И тут на барной стойке в кухне заголосил Женькин мобильный. Это насторожило Марину – у Хохла в Англии не было никого, кто мог бы ему звонить, кроме нее, Грегори и Гены. Но сын в лагере, у Гены сейчас тренировка – он с утра обычно пропадает в клубе карате, следовательно...

– Кто это? – спросила она в спину подскочившего Хохла, но он не ответил, только махнул рукой и, глянув на дисплей, скрылся с телефоном на втором этаже. – Однако... – удивленно пробормотала Марина, садясь на ковре и накидывая халат. – Это что-то новенькое.

Любопытство раздирало, но Коваль запретила себе подслушивать – незачем унижать мужа недоверием, он наверняка сам расскажет, когда закончит разговор. Она пошла в душ и долго стояла под горячей водой, стараясь унять дрожь во всем теле – так всегда бывало после их с Хохлом близости.

Но в мозгу прочно застряла мысль о неожиданных провалах в памяти – это могло плохо закончиться. Да и то, что она так внезапно подняла руку на мужа, тоже не радовало. Обладай Женька менее крепкими нервами – и кто поручится за то, что могло бы случиться.

– Надо что-то решать с этим, – пробормотала она, снова подставляя голову под струи воды, – этак я овдовею быстрее, чем рассчитываю. Бедный Женька, как он со мной живет-то... как на вулкане, честное слово, даже самой страшно.

– Ты закончила? – раздался голос мужа, вошедшего в ванную и взявшегося за ручки душевой кабины.

Дверки поехали в разные стороны, и Хохол шагнул в кабину, прижимая Марину телом к стенке:

– Выходишь или со мной побудешь?

– Нет! – со смехом отказалась она, пытаясь вывернуться. – Если останусь, то весь день проведем в постели.

– Я не против.

– Не сомневаюсь. Пусти.

Он отошел в сторону, выпуская ее из кабины, и Марина, задвинув дверцы, села на край джакузи, принимаясь вытирать волосы полотенцем. Ей очень хотелось спросить, кто звонил, но она сдерживалась – пусть расскажет сам. Однако Хохол молчал, фыркал под водой, долго стоял под холодной струей, потом вышел и, чмокнув жену в макушку, обернул вокруг бедер полотенце:

– Ну, чем займемся?

Она только плечами пожала. Дел никаких не было, разве что наведаться в ресторан и просмотреть новый контракт с поставщиком овощей, но это не отнимет много времени. «А ведь он так и не сказал мне, кто звонил», – отметила она про себя с обидой. Никогда прежде у Хохла не было никаких тайн и секретов от нее.

– Собирайся, поедem двери выбирать, – муж стоял перед зеркалом, чуть согнув ноги в коленях, и водил расческой по мокрым белым волосам. Привычка выбеливать волосы укоренилась, хотя первое время Женька очень сопротивлялся. Но потом привык к собственному отражению, находя его уже обычным. Небольшую бородку и усы он тоже красил, и это придавало ему вид слегка странноватый, но интересный. Марина иногда замечала на улице, как реагируют на ее мужа проходящие мимо девицы, однако никаких беспокойств по этому поводу не испытывала. Для Хохла женщины как класс не существовали – у него был собственный идеал красоты, и этот идеал всегда под рукой, так какой смысл что-то менять? Он ни за что не согласился бы видеть рядом с собой вместо Коваль кого-то другого, пусть и с покладистым характером. Марина это отлично знала, да Женька особенно и не скрывал, хотя иной раз думал, что зря дает жене такую уверенность – может, оглядывалась бы хоть иногда, заводя очередную интрижку. Но вот уже год, как у Коваль никого не было, уж в этом-то Хохол научился разбираться за время, проведенное возле нее. Сейчас она принадлежала только ему, и

Женька ощущал вкус победы.

– Двери? – растерянно спросила Коваль, и он подтвердил:

– Двери, дорогая. Перед отъездом надо все привести в порядок, а то сын начнет вопросы всякие задавать – тебе к чему это?

– Ты прав...

Она ушла в гардеробную, выбрала там одежду и, бросив ее на кровать, взяла фен. Вопрос о телефонном звонке так и повис в воздухе – Хохол молчал, а она из упрямства решила не давить. Но осадок остался.

Глава 6

Москва

Виктор Иванович Коваль расхаживал по небольшой кухне трехкомнатной квартиры и чувствовал, как давит в груди. Это неприятное ощущение преследовало его уже около месяца, с тех пор, как сын объявил о намерении баллотироваться на пост мэра одного из уральских городов. И все бы ничего, но Виктор Иванович прекрасно знал, что это за город. Там раньше жила его младшая дочь Марина, больше известная как Наковальня. Так иногда бывает в жизни – у одного отца родились такие разные дети. Дмитрий, бывший генерал МВД, и Марина – глава большой криминальной группировки, в свое время контролировавшей большую часть региона. Именно это внезапно открывшееся родство поставило крест на карьере сына, но Виктор Иванович не вмешивался – он считал, что Дмитрий во многом виноват сам, то и дело предоставляя начальству поводы для недовольства своим пьянством, например. Так что роль Марины в отставке генерала Коваля была не так уж велика.

Дмитрий считал сестру погибшей – как, собственно, и все вокруг, исключая нескольких уж совсем близких людей, в число которых входил отец и, как ни странно, жена генерала Людмила. Так получилось, что именно ей открылась Мари-

на, когда нужно было вытащить из Бутырки попавшего туда совершенно случайно Хохла. Люся не смогла помочь, но нашла хорошего адвоката, через которого Марина ухитрилась провернуть сложную комбинацию по спасению мужа. Людмила оказалась не из болтливых, и генерал так и не узнал о том, что сестра жива и на свободе, за границей вместе со своим Хохлом. Сын Дмитрия и Люси Николай жил в том самом городе, куда теперь настроился переехать его отец, и это тоже настораживало Виктора Ивановича – отношения с внуком он разорвал в одну минуту, едва услышав первые фразы интервью, которое тот дал журналистам после «гибели» Марины. Он обвинил тетку, давшую ему в руки хорошую и не особенно пыльную должность директора футбольного клуба, во всех грехах, в том числе и в том, что, будучи президентом клуба, она якобы запускала руку в бюджет города. Это была такая чудовищная ложь, что Виктор Иванович едва не задохнулся от отвращения. Коленька, его мальчик, которого он любил и баловал с детства, вдруг явился деду совсем в ином свете – растолстевший, постоянно потеющий от волнения, заикающийся краснолицый человек неопределенного возраста, неблагодарный и подлый, он просто не мог быть тем самым Коленькой. Виктор Иванович решил просто – позвонил и велел забыть, что они родственники. Николай попытался оправдаться, но дед не стал слушать – он-то, как никто другой, знал правду о своей дочери и о том, что никаких денег она в бюджете брать просто не могла, потому что сама

вкладывала в команду огромные суммы, твердо решив, что в их городе должен быть футбольный клуб. И клуб остался, и Колька по-прежнему был его директором. Правда, просчитался, втянув в дело свою жену, а та от жадности вложила все деньги в какой-то банк, который растворился буквально на глазах через неделю после этого события. В результате Николай с женой потеряли такую сумму денег, что молодой муж свалился с сердечным приступом и категорически запретил жене подходить к финансам. Никто, кроме Мишки Ворона, не имел понятия о том, что всю эту операцию с банком и деньгами провернула сама Наковальня, каким-то образом получившая видеозапись той самой пресс-конференции своего племянника. Поднять на него руку и перешагнуть через кровное родство Марина не смогла, но наказала так, как умела только она – больно и недоказуемо.

Виктор Иванович этого, конечно, не знал, но, вероятно, не осудил бы дочь. Сейчас его интересовало другое – зачем Дмитрию мэрское кресло. И почему именно там.

Сын сидел здесь же, в кухне, на угловом диванчике, курил и прихлебывал чай из большой керамической чашки. Он немного обрюзг, чуть раздался в талии, но все еще выглядел привлекательным и интересным мужчиной, даже седина в волосах не портила впечатления.

– Так что, пап, поможешь? – спросил он наконец, отодвигая чашку.

– Я? Чем? Что я понимаю в этих выборах, кроме того, в

какую графу галочку поставить? – Виктор Иванович оперся о подоконник и посмотрел в лицо сына.

– Да не надо тебе ничего понимать. Там специалисты есть. Ты мне нужен как журналист – у тебя же полно знакомых. Пару статей здесь, пару статей там – ну, кому это мешало?

И тут Виктор Иванович решился задать тот самый вопрос, которого они оба явно хотели избежать, но не видели возможности сделать это, потому что он все равно возникнет:

– А ты не боишься, что твою фамилию в этом городе знают слишком хорошо? Не боишься прямых обвинений? И тех, кто еще помнит Марину?

Дмитрий взъерошил волосы и взял новую сигарету:

– Бать, ты зря это. Дело-то давнее, а Маринка мертва уже много лет. Мало ли кто чей родственник – кто сейчас на это смотрит? Я тебе больше скажу – если бы наше родство обнаружилось на пару лет позже, меня бы из органов не поперли. И потом – ну, ты сам вспомни, ведь никто никогда не доказал ее причастность хоть к одному малюсенькому криминальному эпизоду. А нет доказательств – и все, обвинения рассыпались. Все-таки она умная баба была, так обставлялась, что не подкопаешься. Вроде бы все знают, а иди, докажи. Так что тут все чисто. И потом, у меня там спонсор появился из местных, Воронцов некто.

– И ты думаешь, что нашел альтруиста? В твои годы странно быть таким наивным, да еще после генеральских-то погонов.

Дмитрий покачал головой:

– Ну, бать, ты меня совсем уж за дурака-то не держи. Я отлично понимаю, что придется рассчитываться, и готов к этому. Но там вполне легальный бизнес, так что не думаю.

«Интересно, что скажет твоя сестра, когда обо всем узнает, – подумал старый журналист, пряча ставшие холодными руки в карманы вязаной домашней кофты. – А ведь она узнает непременно. И еще неизвестно, как отреагирует. Хотя что ей теперь до тамошней суеты? Живет себе в Англии, а там все иначе».

– А что Люся по этому поводу говорит?

И тут вдруг Коваль-младший замялся, а Виктор Иванович, наблюдая за тем, как меняется выражение лица сына, почему-то вспомнил, что уже давно не видел Люсю и даже не говорил с ней по телефону, а Дмитрий всегда приезжал к нему один.

– У вас все в порядке? – насторожился он, и Дмитрий вздохнул:

– Да разъехались мы, бать, на этот раз окончательно. Больше полугода уже. Она замуж вышла.

Виктор Иванович опустил на табуретку и принялся массировать область сердца, а Дмитрий испугался:

– Тебе плохо? «Скорую», может?

– Не надо, пройдет. Что ж ты молчал?

– А что говорить? Мы взрослые люди, сделали еще попытку – не вышло, ну и разбежались с концами. Чего друг другу

век-то заедать? Она еще молодая, да и я себе найду, один не останусь.

– Колька... знает?

– Знает. Он, кстати, на тебя здорово обижен.

– Это не твое дело. У меня остался только один внук.

– И это к нему ты мотаешься в Англию? – вдруг выдал сын, и Виктор Иванович слегка опешил. – Ну что ты так реагируешь, я ж какой-никакой, а все ж мент бывший, связи-то остались. Одного не могу понять – с кем он там живет, если Маринка мертва, а этот ее Хохол вроде как в Бутырке погиб? Мне, батя, как раз вот такие тайны и не нужны во время выборов. Так что давай-ка без сюрпризов. У кого живет Егор?

– У родственников первого мужа Мариши.

Коваль-младший покачал головой:

– Ну, вы б хоть что поинтереснее придумали. Я был знаком с ее первым мужем – помнишь? Здесь и познакомились, кстати. И никакой родни, тем более в Англии, у Малышева не было. Не темни, батя, я же не чужой тебе.

Виктор Иванович начал колебаться. Сказать о Марине он не мог, чувствовал, что не имеет права. А вот Евгению явно ничего не угрожает, он не приезжает в Россию по своим документам, так что маловероятны неприятности.

– Я скажу. Но ты никогда не посмеешь использовать эту информацию во вред, тебе понятно? – жестко произнес он, глядя Дмитрию в глаза.

– А ты думаешь, что я к коллегам бывшим кинусь?

– Не исключено, – спокойно подтвердил отец, вызвав у сына бурю негодования.

– Ты, батя, совсем уж! Кем же ты меня считаешь-то?

– Я и сына твоего считал родным и порядочным, а вышло как – сам, поди, помнишь.

– Да, с Колькой некрасиво получилось, – признал Дмитрий, сбавляя тон, – даже не думал, что мой сын таким гаде-нышем вырастет. Но я-то, батя, старый уже.

– И тем не менее. Если кто-то узнает, что Евгений жив, я тебе не завидую. А уж если до него самого докатится – тут тебе не надо объяснять.

Дмитрий кивнул – если бы не Марина, не сидел бы он сейчас на отцовской кухне с чаем и сигареткой. Это она бросилась наперерез Хохлу и подставилась под финку, предназначавшуюся как раз Дмитрию за то, что посмел поднять руку на сестру. После этого они и не виделись больше ни с Мариной, ни с Хохлом. И вот он, значит, жив и воспитывает где-то в Англии сына Малышева. Чудны дела господни... Отморозенный уголовник Жека Хохол – и маленький мальчик, усыновленный его сестрой.

– Н-да, все-таки любил он ее, – пробормотал Дмитрий, – даже пацана оставил.

– Ну а куда он его должен был деть? Это его сын, он его воспитывает с десяти месяцев.

– Н-да... – почесал затылок Дмитрий. – Слушай, а как с Бутыркой-то вышло? Мне еще Люська рассказывала, что

Влащенко погиб там как-то странно, в драке вроде. Я еще подумал – у кого же силенок-то хватило такого амбала завалять?

– Я этого не знаю, – уклонился Виктор Иванович, который на самом деле не знал всех тонкостей выхода Хохла из СИЗО, – да и не нужно мне это. Жив, и то хорошо. И сюда себе путь отрезал.

– А что ж в Англию-то его занесло? Россия маловата стала?

– Значит, маловата, – сухо сказал отец, давая понять, что не желает больше продолжать этот разговор.

– Ну и правильно, в общем-то, – согласился Дмитрий, – ему тут жизни не дали бы. Егор-то большой уже?

– Одиннадцать будет осенью.

– Совсем взрослый. По-русски разговаривает хоть немного?

– А как же. Евгений-то английского совсем не знает, по мелочи только – в супермаркете да на автозаправке объясниться. А Егорка лопочет, как там и родился.

– Забавно...

– Смотри, Димка, ты мне обещал, – внушительно сказал отец, словно генералу было лет восемь, – не вздумай чего!

– Бать, ну, хватит уже, в самом деле. Не трону я твоего Евгения драгоценного, пусть живет. Чуть ливер мне на снег не выпустил, между прочим!

– Насколько я знаю, там было за что.

– Было-было, я ж тоже признаю – Хохол не из таких, что с бухты-баряхты за «перо» хватаются, – улыбнулся сын, – он за Маринку порвать мог голыми руками, это повезло мне, что она шустрая была и Хохла своего хорошо чувствовала. Свой бок подставила...

– Вот и помни об этом, – пробормотал отец, наливая себе чай.

– Так ты поможешь? – вернулся к началу разговора Дмитрий, и Виктор Иванович неопределенно пожал плечами:

– Посмотрим.

Глава 7

Бристоль, Англия

– Сара, вы можете пока приезжать раз в неделю, скажем, по средам – вам удобно?

Марина стояла на нижней ступеньке лестницы и наблюдала за тем, как домработница Сара шнурует кеды, собираясь уходить.

– Как скажете, миссис Мэриэнн, – отозвалась она снизу, не поднимая головы, – могу по средам. Вы сообщите мне, когда вернетесь?

– Да, обязательно, я предупрежу за три дня, чтобы вы могли рассчитать время и приехать для косметической уборки.

Краем глаза Марина видела, как в гостиной в просторном кресле корчится от беззвучного хохота муж – Женька обожал такие моменты, когда Коваль, сцепив зубы и натянув на лицо благообразную гримасу, объясняется с домработницей. Выглядело это довольно комично для того, кто неплохо знал Коваль в прошлой жизни, и Хохол получал ни с чем не сравнимое удовольствие.

– Разумеется, миссис Мэриэнн, – разогнулась Сара и устремила на хозяйку взгляд небольших серых глаз из-под круглых очочков в тонкой оправе.

– Тогда до связи, Сара. И спасибо за уборку.

– Не стоит, миссис Мэриэнн. – Не сводя с нее взгляда, Сара попятилась к двери.

Эти взгляды Сара бросала на Марину не просто так, и Хохол, помнивший о том, как жена проводила время в постели лучшей подруги Виолы, старался оказаться в такие моменты как можно ближе, чтобы у серой мыши в очках даже не возникло сомнений – он не потерпит. Вот и сегодня, поняв, что Сара уходит, но все еще топчется в прихожей, он, перестав смеяться, вышел, потягиваясь, в холл и небрежно обхватил Марину за талию:

– Бай, Сара.

– Бай, мистер Джек, – чуть сморщив нос, выдавила она и вышла за дверь, а Марина, картинно вытерев со лба несуществующий пот, проговорила:

– Господи, как же достают эти политесы... ну, почему нельзя просто сказать – все, Сара, спасибо, вот деньги, всего хорошего? Нет же, надо сто раз поклон отбить и триста лишних слов сказать! Не могу! Ей-богу, такое остается ощущение, что я сама в доме все убирала – физическое состояние как раз похоже.

– Да, котенок, нелегко тебе дается английский этикет, – хмыкнул Женька, целуя ее куда-то за ухо.

– Так ты мне не скажешь? – вдруг не выдержала она, и руки Хохла, сжимавшие ее талию, чуть заметно дрогнули.

– Не скажу чего?

– Брось, не прикидывайся. Кто тебе звонил?

– Когда?

Она развернулась и уперлась обеими руками в широкую грудь, обтянутую белой майкой:

– Ну-ка, пусти!

– А если нет – что сделаешь? – без тени страха полюбопытствовал муж.

– Так скажешь?

– Нет. Тебя это не касается.

Коваль удивленно вздернула брови:

– Не поняла. Я думала, что в моем доме меня касается все.

– Все, – подтвердил Хохол, – кроме этого. Могут у меня быть собственные дела?

– Нет.

– Это кто же так решил? – хищно сузив ноздри, поинтересовался Хохол, и в его голосе Марина отчетливо различила недовольные нотки.

– Не забывался бы ты, – посоветовала она и тут же пожалела о своих словах, поняв, что перегнула палку.

В один момент ручища Хохла переместилась на ее горло и чуть сжала, а прищуренные серые глаза уставились в ее лицо острым, буравящим насквозь взглядом.

– Прекрати это. Ты не в России. И не Наковальня больше. В этом доме мужик – я. И я буду решать, что и когда говорить.

Он отпустил ее и пошел наверх, в кабинет, а Коваль, от неожиданности ослабев, осела по стене прямо на ступеньки

лестницы.

– Однако... – машинально растирая шею, пробормотала она.

Женька не сделал ей больно, но удивил неожиданным напором и силой характера, чего прежде за ним не водилось. Марина поднялась и направилась вслед за мужем, найдя того за столом в кабинете. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять – уже раскаялся и жалеет. Как всегда...

– Ты молодец, Женька. Серьезно, – тихо сказала она, прислонившись к дверному косяку, – со мной так и надо.

– Не сердишься? – угрюмо спросил он, рассматривая сложенные на дубовой столешнице кулаки.

– Нет.

– Вещички бы собрать – улетаем через три дня, – напомнил муж, отходя от неприятной темы.

– Успеется. Что-то я отцу давно не звонила, замоталась совсем. – Она сказала это совершенно искренне и без задней мысли, действительно давно не говорила с отцом, и вдруг поймала взгляд Хохла – он таращил глаза и шевелил губами.

– Откуда... как ты... – разобрала она и удивилась:

– Ты чего?

– Как ты узнала, что он звонил?

Пораженная Марина не могла вымолвить ни слова – она даже представить не могла, что отец в обход ее разговаривает с Женькой, но, что еще интереснее, Хохол скрывает от нее эти разговоры. Что, черт побери, между ними происходит?

– Зачем он звонил? Что-то случилось? Он здоров? – еле выговорила она, охваченная беспокойством.

– Все с ним в порядке. Просто так звонил.

– Ты не научился врать мне, дорогой. – Марина шагнула в кабинет и приблизилась к сидящему в кресле мужу, вспрыгнула на столешницу. – Если бы он звонил просто так, ты не стал бы скрывать. Значит, есть что-то, о чем вы оба решили мне не говорить. Так что же это?

– Н-да, день перестал быть скучным, – печально прокомментировал Хохол, осторожно перемещая ноги жены себе на колено и беря в руку правую ступню. – Сиди спокойно, я помню немного.

– Ты не увиливай, – предостерегла она, откидываясь на упертые в столешницу руки и закрывая глаза.

– Не торопи. Не знаю, с чего начать, – массируя ее ногу от ступни к колену, отозвался муж.

– Сначала – так проще.

– Знать бы, где оно, это начало...

Хохол в самом деле не знал, с чего начать разговор о том, что рассказал ему по телефону Виктор Иванович. Новость была ошеломляющая, и Женька хотел, насколько возможно, оттянуть момент, когда Марина окажется в курсе. Но дотошная и чуткая Коваль каким-то образом почувствовала напряжение и сумела все-таки раскрутить его на разговор, которого Хохол так старался избежать. И Женька решил идти до конца – то есть врать. Иначе никто не поручится за то, что

сделает в следующую минуту непредсказуемая Марина.

– Понимаешь... я хочу задержаться в Черногории подольше, а Грег вернется из лагеря – и куда его? Генка не может, дела у него какие-то, я и хотел отца попросить. Но он отказался, и я вот теперь думаю, как быть. Уговаривал его вместе с Грегом к нам прилететь, а что – отдохнули бы, на солнышке пожарились, морской воздух, то-се... А отец уперся – ни в какую. Думаю, что приболел он, но скрывает, – проникновенно сообщил он, массируя ногу жены и глядя ей в глаза так открыто, как только мог. – Он просил тебе не говорить – знает, что ты расстроишься и отдыхать не поедешь. Потому я и попытался промолчать, котенок. Все просто.

Она долго смотрела на него, пытаясь понять, не врет ли, но Хохол каким-то немислимым усилием заставил себя не отводить взгляда, и это сработало. Коваль вздохнула:

– Вечно он... я вообще не понимаю, почему он так упорствует и не хочет переехать сюда. Мы вон даже телохранителя перетянули, а отец все отнекивается. Мне было бы куда легче, живи он здесь.

– А раньше ты его и знать не хотела, помнишь? – шутя поддел Хохол, возликовав в душе, что его план сработал.

– Помню. Но ты ж понимаешь – причины у меня имелись. Причины имелись – Марина никак не могла простить отцу, что он, зачав ее от случайной интрижки с местной официанткой, никак не принимал участия в ее жизни, даже когда увидел, в каких условиях живет его дочь. Со временем

она смогла победить в себе эту обиду, во многом благодаря помощи Егора Малышева, но порой старые чувства нет-нет да и накатывали, и тогда Марина грубила, злилась и довольно сильно обижала отца. Хохлу приходилось брать на себя роль буфера – он ухитрился найти с тестем общий язык, а потому часто заступался за него перед женой и долго, терпеливо объяснял той ее неправоту.

– У меня иной раз чувство, что детей в моей семье двое – сын и ты, – шутил он в такие моменты, – и поверь – с пацаном куда проще.

Марина испытывала порой огромное чувство благодарности мужу за такие вот проявления. Окончивший школу на зоне-«малолетке» Хохол был куда более умным, чем некоторые ее знакомые из прошлой жизни, имевшие высшее образование. Женька интуитивно чувствовал, как лучше, как нужно, как правильно, мог дать верный совет или просто объяснить какие-то вещи так, чтобы она поняла.

– Я люблю тебя, Женька, – пробормотала она, закрыв глаза и прислушиваясь к движениям его сильных пальцев.

– Я это знаю, родная. – Хохол украдкой вытер капли пота, выступившие от напряжения на лбу – она поверила, расслабилась. Это хорошо.

Он увезет ее в Черногорию и постарается сделать все, чтобы она как можно дольше пребывала в неведении.

Они поужинали дома, решив не ехать в ресторан, потом

долго лежали, обнявшись, на кровати, и Хохол бережно поглаживал стройное тело жены, расслабившееся под его руками. Когда наконец Марина уснула, подсунув под щеку ладонь, совсем как ребенок, Женька, укрыв ее одеялом, натянул спортивные брюки и спустился вниз, в кухню. Заварив себе чифирь, он переместился в гостиную, щелкнул кнопкой пульта, настроив телевизор на какой-то кабельный русский канал, и уселся в мягкое кресло. Мысли роились в голове, отвлекая от происходившего на экране.

То, что сообщил зятю Виктор Иванович, слегка ошеломило и сбilo с толку. Зачем, интересно, Дмитрий решил ввязаться в эти политические игрушки? И каким образом на него вышел Ворон? И если он сделал это случайно, то в курсе ли Мишаня, что кандидат – родной брат Наковальни? А если не в курсе, то что будет, когда эта информация всплывет? А ведь она всплывет обязательно, тут не может быть двух мнений. И что будет делать с этим Ворон, ведь он знает, что Марина жива и где она теперь скрывается?

– Черт их всех дери – мы только начали спокойно жить, – проскрежетал Женька, сжимая кулаки, – только-только почувствовали свободу и хоть какой-то покой – и на тебе! Какого вообще хрена бывший ментовский генерал решил стать мэром? И почему не нашел для себя другой город? Значит, есть что-то еще, только пока я не вижу, что именно. Но я непременно это выясню. Мне бы только Маринку подальше запрятать, чтоб не полезла.

Он отхлебнул глоток из алюминиевой кружки, которую Сара пыталась выбросить с периодичностью раз в месяц, и закурил. Опять его спокойствию угрожает что-то извне, как раз в тот момент, когда он так счастлив и умиротворен. Когда любимая женщина наконец принадлежит только ему. Но, видимо, это не его участь – быть счастливым и спокойным, он – Жека Хохол, обреченный вечно работать кулаками и чинить разборки. Единственное светлое пятно в его жизни – Марина, и она же – источник вечной сердечной боли. Но Хохол твердо знал – если бы ему предложили изменить что-то в прошлом, он ни за что не согласился бы. Потому что вся его прошлая жизнь была залогом того, что он встретит ее, Марину, любовь и боль, необъяснимое счастье и кучу проблем.

Он часто вспоминал ее такой, как увидел впервые – русоволосой стройной красоткой с упругой грудью и длинными ногами, обтянутыми белыми джинсами. Первое, что он увидел, были как раз эти ноги, появившиеся из двери черного «Мерседеса» старого Мاستифа. Красные туфли на шпильках, штанины джинсов – и вот она стоит на дорожке перед шлагбаумом, за которым – территория особняка Сереги Строгача. И Хохол, глядя на нее, перестает соображать и одновременно испытывает страшную злость на то, что молодая красивая девка принадлежит этому дряхлому пню. Когда выяснилось, что она не любовница Мастифу, а «вывеска», ширма для его легального бизнеса, у Хохла отлегло от сердца. Это значило, что теперь он часто будет видеть эту девушку

в имении Строгача, а значит, появился шанс на то, что рано или поздно Серега поведет ее в свою знаменитую сауну, и тогда у него, Женьки, будет возможность прикоснуться к ней. Однако не случилось.

Появился Малыш, и вскоре они с Коваль поженились. Разные мысли посещали тогда голову Хохла, вплоть до того, чтобы подкараулить ездившего без охраны Малыша где-нибудь на лесной дороге и... Но он понимал – не сможет, просто не хватит духа. Когда случился прокол, и Малышев налетел на каких-то левых деляг, решивших развести Наковальню на деньги, она все-таки приехала к Строгачу за помощью и пошла с ним в сауну – это было главным условием, которое выдвинул Строгач в обмен на эту самую помощь. Хохол обыскивал ее на входе и чувствовал, что готов уже убить и Серегу за то, что это тело сейчас достанется ему. Присоединиться его, разумеется, не пригласили. Но спустя год случилось то, что случилось – заигравшаяся Коваль соблазнила его сама, сама пришла и как-то совсем уж расчетливо отдалась в его власть, и одуревший от счастья Хохол даже не сразу сообразил, что она просто-напросто разводит его. Прикрывает шашни своего телохранителя и Виолы, охранять которую и должен был Хохол там, в Египте. Это сперва привело его в ярость, но потом, проводя каждую ночь в ее постели, он вдруг понял, что Коваль делает это вовсе не для того, чтобы отвлекать его от Виолы, а потому, что ей самой это нравится. Она хочет его – и берет всего, без остатка, до дна.

Это открытие настолько поразило Женьку, что он уже ни о чем другом и думать не мог. Ему нужна была эта женщина, только она – и никто больше.

Несколько лет он был при ней телохранителем, носил на руках, раненную в позвоночник, плавал с ней в бассейне, возил гулять. Когда погиб Малыш, Хохол старался облегчить ее горе и все время терпеливо ждал. Она сдалась, хоть и не скоро, хоть и заводила мимоходом романы, но возвращалась всегда к нему. Хохол умел быть терпеливым и в конце этого тяжелейшего марафона все-таки получил главный приз – Наковальня вышла за него замуж, взяла его фамилию, признала, что уже не сможет без него. В последнее время она стала часто говорить о любви, чего раньше не делала, и каждая ее фраза звучала для него как музыка.

– Девочка моя, что же еще должно случиться в нашей жизни, чтобы наконец мы смогли вздохнуть свободно? – пробормотал он, отхлебывая чифирь. – Уже и лицо другое у тебя, и документы, и все – а прошлое так и не отпускает. Как мне тебя уберечь? Я жизнь отдам, только бы с тобой ничего не случилось.

– Ты молишься тут, что ли? – произнес за спиной хриловатый голос жены, и Женька, резко обернувшись, спросил:

– Ты проснулась? Голова?

– Нет, – пробормотала она, забираясь к нему на колени, – просто глаза открыла – а тебя нет. Я испугалась.

– Ну что ты, котенок, я никуда от тебя не уйду, – обнимая

ее свободной рукой, пообещал Хохол.

Марина взяла кружку, сделала большой глоток и поморщилась:

– Боже...

– Не нравится? Хочешь, я тебе зеленого заварю?

– Не уходи, – попросила она, – я не хочу чаю. Мне почему-то очень страшно.

«Знала бы ты, как страшно мне», – подумал про себя Хохол, бережно прижимая жену к груди и целуя в макушку.

Глава 8

Урал

Ворон расхаживал по кабинету в «Матросской тишине» и испытывал странное чувство, как будто кто-то наблюдает за ним сквозь прицел снайперской винтовки. Он то и дело прикасался рукой к налитому тяжестью затылку, словно проверял, все ли там в порядке. Это навязчивое движение уже начало злить и причинять дискомфорт, а ощущение не проходило.

– Что за ерунда? – пробормотал он, закуривая и с опаской косясь на большое окно. – Леон!

Телохранитель возник в ту же секунду, словно караулил за дверью.

– Да, Михал Георгиевич.

– Скажи пацанам, пусть внешние жалюзи опустят.

Леон не задал вопросов, он прекрасно понимал, что к чему. Два дня назад шеф получил письмо по электронной почте и с того момента сделался нервным и дерганным. С содержанием письма Ворон ознакомил только Леона – никому больше не доверял, а в преданности и надежности одноглазого подручного не сомневался. Кстати, в душе Ворон был очень благодарен Наковальне, опустившей его прямо при всей охране за нежелание везти слишком тяжело раненных

Хохла и Леона в больницу. Ну, положим, с Хохлом-то она и без него все решила бы, муж все-таки, а вот за Леона вступилась. И Ворон, мысленно уже списавший Леона, обдумав на досуге ее слова, решил, что в телохранителе главное не внешность или габариты, а умение просчитать и предупредить, а потому Леон после реабилитации вернулся в его дом и занял там новое положение. Хотя он и находился при Вороне безотлучно, но функцию телохранителя теперь выполнял Марат – широкоплечий татарин из Казани. Его родственник Мирза в свое время «ходил» под Наковальней, был одним из пяти ее бригадиров, так что протекция у Марата имелась. Леон же перешел как бы на аналитическую работу да выполнял какие-то серьезные поручения хозяина.

В ситуации с письмом Ворону просто некому было довериться, а Леон знал много такого, о чем постороннему не расскажешь. Адрес, разумеется, пробить не получилось, но что-то в тексте письма натолкнуло Мишку на мысль о том, что оно от Гриши Беса, бывшего «смотрящего» и по совместительству мэра города. Правда, длилось его мэрство всего ничего, но и этого хватило Ворону, чтобы, заручившись поддержкой Наковальни, хорошо подоить административные ресурсы Беса. А все просто – имелась у них с Наковальней напополам одна хитрая папочка, в которой были сложены бумажки, подтверждавшие весьма противозаконную деятельность Беса на посту мэра, и этими самыми бумажками Ворон периодически обмахивался на глазах у скрежещуще-

го в бессильной злобе зубами Григория Андреевича. И опять – если бы не Наковальня, то и не получил бы Ворон таких возможностей. Но умная баба, пытаясь избавиться от посягательств Беса на ее спокойствие, семью и банковский счет, провернула хитрую комбинацию, в результате которой Бес так плотно был насажен на крючок, что пришлось ему инсценировать собственное исчезновение, чтобы соскочить.

История эта наделала много шума – ну, еще бы! Среди белая дня из больницы пропадает лежащий там на излечении после покушения мэр, и никто не может точно сказать, куда именно он делся. А потом исчезает и его жена с больным сыном, и тоже никаких концов. Ворон, правда, знал, что Виолу вывезла из страны все та же Наковальня – спасала любовницу, сучка, но препятствовать он тогда не стал. Да и связываться с бабой и ребенком тоже как-то не по понятиям. Но вот где именно осел Бес с супругой, не могла точно сказать даже Марина, хотя Ветка и приезжала в Англию, чтобы предупредить о готовящемся на нее покушении. По каким-то одной ей заметным косвенным признакам Наковальня вычислила, что живет теперь подруга в какой-то арабской стране, но доказать не смогла. Ворону она это все тоже рассказала, и они вместе попытались выкрутиться из расставленной Бесом ловушки. И ведь выкрутились, вышли живыми, разве что вот Леон глаз и ухо потерял, да у Хохла добавилось отметин на теле.

И вот теперь, значит, снова возникает Гришка с претензи-

ями. И это может значить только одно – Бес решил вернуться, пусть не мэром – ну, это понятно, – так «смотрящим». И это последнее, кстати, вполне реально сделать – важно просто иметь новые документы. А с этим проблем у Гришки, понятное дело, не возникнет.

Все эти невеселые выводы Ворон успел сделать за два дня с момента получения письма, и они ему очень не нравились. Как ни крути, в одиночку против Беса он слаб. И как ни горько в этом признаваться, но без Наковальни ему не обойтись. А вот тут возникала сложность, и звали эту сложность Жека Хохол. Во время последнего визита на родину он ясно дал понять Ворону, что не потерпит больше попыток вовлечь Наковальню в разборки. И почему-то сложилось у Ворона четкое ощущение, что Хохол не шутит. И вот это было плохо.

– Закрой дверь, – велел Мишка вернувшемуся Леону. Жалюзи на окнах со скрежетом поползли вниз, и от звука Ворон поморщился.

Леон сел напротив, привычным жестом сунув руки в карманы. Во время работы он носил тонкие перчатки, но все равно убирал изуродованные кисти, замечая неприязненный взгляд хозяина.

– Что думаешь?

Леон пожал плечами:

– Нет зацепок. Одно могу сказать – он слышал про будущие выборы и про ваше в них участие, вот и решил под

эту дудку свои интересы пролоббировать. У него есть что-то такое, чем он может вас здорово прижать. Вот только что?

Ворон задумался.

– Что? Вот и я голову два дня ломаю – что. Судимости мои – фигня, сейчас уже и не скрывает никто, и дела никому нет. Бизнес? Он легальный, разве мелочи какие, но так уж в нашей стране все устроено – без нелегалыщины просто не выжить. Что еще? Младенцев не жру, баб не порчу, мальчиков по ночам в коттедж не привожу. Этим, кстати, тоже никого не удивишь уже. Даже не знаю...

– А вы не подумали, что дело может быть не в вас? – Леон поправил повязку на глазу и снова убрал руку в карман.

– Не во мне? – выпучился Ворон. – Тогда вообще непонятно. Ты не темни, Леон, говори прямо – нашел чего?

– Дайте мне еще один день, завтра вечером я буду располагать точной информацией.

– Ишь ты... День ему дай, – хмыкнул Ворон, – а мне что делать весь этот день? В затылке вон свербит, как будто уже туда пуля калибра «пять-девять» вошла!

– Это глупости, – успокаивающе сказал Леон, – валить вас Бесу смысла нет, вы ему нужны живым, только так он добьется того, чего хочет.

– То есть ты мне это вот прямо гарантируешь? Вот прямо отвечаешь за каждое слово, да?

– Вы прекрасно понимаете, что я не могу дать гарантий. Марата проинструктирую, чтобы был внимательнее. Если

можно, я домой поеду, есть еще кое-какие дела.

Леон встал, но из кабинета не вышел, пока не дождался одобрителного кивка хозяина. Плотнo закрыв дверь, он подзвал сидевшего в кресле Марата и дал ему пару указаний. Тот молча слушал, почтительно склонив коротко стриженную голову – Леона уважали и к слову его прислушивались. Осмотрев на всякий случай еще и припаркованную на заднем дворе клуба машину, Леон убедился, что все вроде в порядке, и вышел на оживленную трассу. Ехать в поселок он пока не собирался – ему нужно было непременно позвонить Хохлу, и сделать это важно было сегодня, чтобы иметь возможность для маневра и определиться, что делать с полученной информацией.

Дойдя до ближайшего салона сотовой связи, Леон вынул из сумки паспорт на чужое имя, купил сим-карту и простенький телефон, вышел на улицу и, зайдя в сквер, опустился на скамью. Телефон Хохла он затвердил наизусть, а бумажку сжег, чтобы никто, не дай бог, не смог поинтересоваться содержимым обложки его паспорта – мало ли любопытных в их доме. Вставив сим-карту в аппарат, Леон набрал номер и приготовился ждать, затаив дыхание – кто знает, что могло случиться за этот год. Может быть, Хохла вообще нет в Англии – при их жизни это запросто могло случиться. Но вот раздался глухой голос, произнесший с ужасающим акцентом:

– Хелло.

– Джек, это Леон, – по-русски сказал телохранитель, и голос Хохла потеплел:

– Здоров, бродяга. Как сам? Как здоровье?

– Не жалуюсь. Спасибо Мэриэнн – поддержала. У меня к тебе дело, Джек.

– Какое? – напрягся Хохол.

– Ты один? Рядом никого нет?

Сказав это, Леон и сам оглянулся по сторонам, но сквер был пуст, только откуда-то издалека раздавался собачий лай – там находилась площадка для выгула.

– Если ты о Мэриэнн, то повезло – она в салон уехала. Мы с ней завтра в Черногорию улетаем.

– Может, это даже к лучшему. Слушай, Джек, тут такая петрушка. Ввязался мой хозяин в предвыборную гонку на мэрских выборах...

– Вот же твою мать, и этот туда же, – пробормотал Хохол, закуривая.

– А кто еще? – насторожился Леон.

– Думаю, тебе нет нужды в этом. Так что про Ворона? На фиг ему этот головняк? Лавры Беса спать мешают?

– Да он не сам, финансово поддерживает одного кандидата из московских. И вот тут вся фишка и кроется, Джек. Фамилия кандидата – Коваль, и Ворон мне поручил добыть досье.

– И в этом досье ты, ясная поляна, обнаружил одну странную вещь, да? – перебил Хохол. – Потому и звонишь?

– Да, – честно признался Леон, – я придержал информацию до завтра, хотел сперва с тобой покумекать. Не хочу подставлять Мэриэнн, вдруг это ей боком выйдет.

– Ей, Леон, всегда выходит не боком, а, прости за грубость, раком, – вздохнул Хохол, щелкая зажигалкой и прикуривая новую сигарету. – Это ее брат по отцу, бывший ментовский генерал. Они не общаются уже много лет, да и он не в курсе, что Мэриэнн жива, понимаешь? Вот так... И я теперь даже не знаю, что с этим делать.

Это Леон понимал. Получив досье генерала Коваля, он тоже не сразу смог отойти от шока и сообразить, что теперь делать с полученной информацией. Очень уж неожиданной оказалась связь между генералом МВД, пусть и бывшим, и главой криминальной группировки, пусть официально и мертвой. Но было ведь и еще кое-что...

– Хуже другое, Джек. Бес нарисовался, – тихо сказал Леон, на всякий случай снова оглядываясь по сторонам.

Хохол присвистнул – вот это была новость почище той, что преподнес Леон в начале разговора. Но рано или поздно Бес должен был возникнуть снова, это такой человек, что, пока жив, он будет отравлять жизнь другим и особенно Марине.

– Я фигею с первых пионеров... Каким образом нарисовался?

– Там, знаешь, странно. Пришло письмо с левого адреса, а в письме – намеки на то, что Ворон имеет в шкафу огром-

ный скелет, и связан этот скелет с его протеже-кандидатом. И, мол, если Ворон будет поступать правильно, то ничего не всплывет, никто не сядет и не ляжет, а будут все жить дружно и счастливо. Улавливаешь?

– А то, – вздохнул Хохол, которому сейчас хотелось сжать руки на шее Гришки Беса и держать до тех пор, пока тот не перестанет дергать ногами.

– Давай решать что-то, Джек. Бес, как я понимаю, хочет вернуться в город по левой ксиве – понятно, в мэры не полезет, но общак себе вернет. Тут у нас в этом смысле пока небольшое безвластие, и он, видимо, в курсе. И давить Бес будет Ворона и нового мэра.

– А ты уверен, что Коваля изберут?

– Ты не понимаешь, да? Тут у него, мне кажется, и расчет на то, что фамилию его в городе помнят. Но ты ведь знаешь людскую молву – плохое забывается, а хорошее приукрашивается и расцветчивается ярко. Так что Марина Викторовна здесь – героиня, про нее худого никто не говорит. Вот, мне кажется, братец ее и хочет на этом сыграть.

– Гнида он ментовская, а не братец, – с чувством отозвался Хохол, – чуть не приговорил я его однажды, да Маринка, будь она неладна, просчитала меня и сама на пику залетела – весь бок финкой ей располосовал. Своей рукой, сам. А не будь ее – и отдыхал бы сейчас генерал на облачке.

– Жесткие вы, ребята, – удивленно протянул Леон.

– Короче, спасибо тебе за головняки, Леон, – печально

сказал Хохол, – устроил ты мне отдых...

– Ну прости, Джек...

– Да ты не понял. Я тебе на самом деле благодарен, так я хоть смогу что-то сделать, как-то предупредить события. Скорее всего, мы у вас скоро появимся, вот чувствует мое сердце.

– Буду рад увидаться.

– Ну, еще бы. Спасибо, братан, я твой должник.

– Брось это. Я твоей жене жизнью обязан.

– Да, кровников у нее хватает, – коротко хохотнул Женька. – Моя Марина Викторовна умеет друзей заводить. Правда, врагов заводить у нее выходит куда быстрее и лучше. Ладно, бывай, Леон. Звони, если что.

– Я понял.

Попрощавшись, Леон отключил телефон и, надорвав подкладку сумки, сунул аппарат за нее, подумав, что дома найдет для него более надежное место. Застегнув сумку, он вышел из сквера на трассу и поднял руку, останавливая такси.

Глава 9

Бристоль, Англия

Закончив телефонный разговор, Хохол отбросил трубку и застонал. Где-то внутри, там, где сердце, все заныло, заболело в предчувствии. Надо же, как сложилось – и брат тебе тут, и Бес, и Ворон, и все в одной куче. Бедная Маринка, когда же это кончится? И даже не это главное – что ему, Женьке, теперь делать с этой информацией? И ведь уже не получится скрыть ее от Марины, в этом деле вообще затягивать нельзя, потому что сам он ничего решить не сможет, даже если привлечет Леона – не та квалификация. Накрылся отдых все-таки, как ни старался Женька избежать этого. Он, конечно, увезет ее в Черногорию и только там, на берегу моря, выложит все, что узнал от Леона и тестя – вдруг близость воды, свежий воздух и смена обстановки заставят Марину хоть на несколько дней отложить поездку в N.? Хохол, понятное дело, не особенно рассчитывал на то, что план удастся, но вдруг? И надо выяснить у Виктора Ивановича, что конкретно известно Дмитрию о теперешней жизни так нелюбимого им зятя? Судя по всему, тесть проговорился о том, что Женька на самом деле жив, это, конечно, неприятно, но не смертельно. Генерал ведь не дурак, чтобы бежать с этой информацией к бывшим сослуживцам – должен понимать, что под-

ставит и отца, и собственную жену, и ее приятеля-адвоката – всех, кто принимал участие в Женькином освобождении. Но знать точную информацию непременно нужно. Осталось выбрать время и позвонить так, чтобы Марина этого не услышала.

Хохол взялся было за телефон, собираясь набрать номер тестя, но вовремя услышал звук поворачивающегося в замке ключа – это вернулась из салона жена. Судя по тому, что он пропустил звук открывающихся ворот во дворе, машину она не загнала, а оставила на улице, значит, поедет еще куда-то.

– Ну, вот тогда и позвоню, – пробормотал Хохол, убирая трубку и спускаясь вниз.

Марина с обновленной стрижкой и свежим маникюром как раз присела на пуфик, расстегивая ремни босоножек.

– Ты спал, что ли? – спросила она, глядя на мужа снизу вверх из-под упавшей на глаза челки.

– Да, задремал, – преувеличенно сонным голосом отозвался он и зевнул, потягиваясь, – а ты чего машину не загнала? Поедешь куда-то?

– Да, хочу серьги и кольца в ячейку положить.

Привычку оставлять все дорогостоящие ювелирные изделия в ячейке банка Марина приобрела здесь – раньше, в России, бриллианты любой величины и стоимости свободно валялись дома на каминной полке или на столике у зеркала – там, где она их снимала, и никому в голову не приходило, что они могут пропасть. Но, меняя внешность, Коваль взяла

за правило менять и привычки, особенно те, что демонстрировались окружающим. Подобное легкое отношение к украшениям здесь не приветствовалось, об этом еще Малыш говорил ей, когда был жив. Да и Хохол считал, что в банке надежнее.

– Ну, дело хорошее, – одобрил он, – уезжаем все-таки.

– И как это тебе удалось меня уговорить? – спросила Коваль, убирая босоножки под вешалку.

– Ну, я вообще способный, – ухмыльнулся муж, с интересом рассматривая ее стрижку. – Короче, что ли, сделала? – Он не любил стрижек и предпочитал, чтобы Марина носила длинные волосы, но она вот уже несколько лет, словно назло, стриглась все короче.

– Да, решила, что в жару пойдет. И потом, ну что такое волосы? Не зубы же, отрастут.

– Ты раньше, помню, так всегда говорила – отрастут или наростим.

– Вот и сейчас не вижу проблем. Вернемся из Черногории – сделаю тебе подарок, приклею, так и быть, что-то подлиннее, – пообещала Марина, улыбаясь.

«Это хорошо, если тебе будет к чему их приклеивать – с твоими-то способностями влипнуть в неприятности, – мрачно подумал про себя Женька. – А то, не ровен час, вообще без голов останемся – и ты, и я».

– Обедать будешь? – спросил он, отвлекаясь от тяжелых мыслей.

– Буду. Не сомневаюсь, что ты приготовил что-то.

Ничего он не готовил, просто зашел в расположенный чуть дальше по их улице японский ресторан и заказал роллы – это сделать было проще всего, потому что не требовалось особенно объясняться. Ткнул пальцем в картинки, заплатил по счету, забрал упакованный заказ – и готово дело.

– Ты же не любишь, когда я встаю к плите, – улыбнувшись, поддел Женька, увлекая Марину за собой в кухню, где начал расставлять на барной стойке ее любимые блюда, извлекая их из холодильника.

– Я от твоей кулинарии толстею, – пожаловалась она, сядя на табурет.

– Толстеешь – где там! Ладно, вот тебе роллы твои, ешь.

Он выложил из потертого красного футляра на подставку хаши, которыми пользовалась только Марина, придвинул миску для соуса.

– А сам что?

– А сам не хочу.

Ему кусок не лез в горло от нехороших предчувствий и из-за того огромного клубка лжи, что пришлось накрутить, но Женька старался не демонстрировать волнения и прорывающейся изнутри тревоги. Главное – убедить ее, что все хорошо, заставить сесть в самолет, а там уж будь что будет.

Коваль с удовольствием пообедала, выпила чашку зеленого чая с лимоном, выкурила сигарету и сладко потянулась:

– Полежать бы...

– Так и полежи, кто мешает-то?

– Нет, поеду. Надо сегодня закончить все дела, чтобы не отвлекаться уже на них и спокойно собрать вещи.

Хохол только кивнул – ему самому не терпелось, чтобы Марина как можно скорее ушла из дома и он мог бы без помех позвонить тестю.

Еле дождавшись момента, когда Марина закрыла за собой калитку и села в джип, Женька взял телефон и набрал номер Виктора Ивановича. Тот словно ждал этого звонка, ответил почти мгновенно:

– Да, Женя, я тебя слушаю.

– Виктор Иванович, расшаркиваться у меня времени нет, потому про здоровье говорить не будем, – сразу начал Хохол, – вы мне вот что скажите, когда Дмитрий планирует в Н. лететь?

– Через две недели. А что?

– Ну, значит, у меня пока есть время, – с облегчением выдохнул Женька, нашаривая сигареты.

– Время для чего, Женя? – насторожился тесть, и Хохол поспешил успокоить:

– Вы не волнуйтесь только. Мы в Черногорию улетаем, уговорил я ее все-таки. Хочу, чтобы хоть пару недель провела в покое, а то уже и Грег заметил, что она нервная снова и плачет по поводу и без. А если уж пацан заметил – значит, дело швах совсем.

– Ты сказал ей о Дмитриии?

– Пока нет. Не могу слов подобрать... да и тут еще новости не особенно приятные. Об этом вообще не знаю, как говорить буду. В общем, чует мое сердце, что дочь ваша через пару недель аккуратно билеты в Н. затребует, – со вздохом признался Женька, – и я этот момент хочу оттянуть, насколько будет возможно. Не могу придумать, как ей все это преподнести. Угораздило же сына вашего... других городов мало, что ли?

Виктор Иванович тоже вздохнул:

– Вот я ему тоже об этом сказал – зачем, мол, тебе город, в котором до сих пор помнят твою фамилию?

– Ну а он что?

– Мне кажется, он именно на это ставку и делает, – признался Виктор Иванович, – я много думал об этом и других причин просто не нашел.

– Ну и гнида сынок ваш, – процедил Хохол, которого попытка Дмитрия использовать имя сестры в своих целях разозлила до крайней степени, – и я даже извиняться перед вами за слова не буду.

Виктор Иванович промолчал – зная характер зятя, он прекрасно понимал его реакцию и извинений, понятное дело, не ждал. За то, что в свое время сделал Евгений для его дочери, старый журналист был готов простить ему многое, в том числе и нелюбовь к сыну. В душе Виктор Иванович был согласен с Хохлом – Дмитрий иной раз поступал непорядочно и не желал слушать никаких доводов. И если он, как отец, не

может сделать выбор в пользу кого-то из детей, то Евгений от этого выбора освобожден – он защищает жену и не выбирает способов для этого, а действует как умеет.

– А с кем останется Грег? – перевел разговор Виктор Иванович. – Или с собой берете?

– Он со скаутами в поход ушел, на месяц почти. Потом Генка встретит и привезет к нам, если, конечно, к тому моменту мы еще в Черногории будем. Ну а нет – здесь с ним останется, присмотрит, не в первый раз.

– Вот и хорошо, что в поход пошел, – обрадовался Виктор Иванович, – ему не помешает.

– Да ему-то не помешает, но вот мама наша тут такой концерт мне закатила – как насадка, честное слово, – со смехом сказал Хохол, – никогда бы не подумал, что моя жена на такое способна. Но мы ее вдвоем уговорили.

– Женя, если вы вдруг решите лететь в N., ты мне сообщи обязательно, – попросил журналист после паузы, – потому что я тоже туда собираюсь, и нам не нужно давать окружающим пищу для размышлений. Ведь явно придется столкнуться в городе. Я должен знать, с какой легендой вы там появитесь, чтобы не подвести.

– Ишь ты – «с легендой»! – беззлобно поддразнил Женька, закуривая очередную сигарету. – Прямо шпионские страсти у нас. Конечно, я вам постараюсь сообщить как-то, но не могу обещать. Сами же понимаете – с вашей дочерью ни к чему невозможно подготовиться заранее, у нее свои планы и

свои способы, которыми она не всегда делится даже со мной. А вы-то чего там забыли, кстати?

– Дмитрий просил помочь с информационной поддержкой.

– А-а... пресс-секретарь, значит, ему нужен... – протянул Хохол, снова вскипая от злости.

– Женя, я его отец... – примирительно сказал Виктор Иванович, и Хохол не стал развивать тему:

– Да я понимаю. Ладно, я вас предупредил, постараюсь быть на связи.

Они попрощались, и, положив трубку, Хохол вдруг вспомнил, что не сказал тестю ни слова о возможном появлении на маленькой провинциальной сцене еще одного актера в лице Беса. Но, поразмыслив, он решил, что поступил правильно – на месте будет видно, что с этим делать, а в том, что на этом самом месте они в конце концов непременно окажутся, он даже не сомневался. Обманывать Марину можно довольно долго, но не бесконечно.

Глава 10

Москва

Виктор Иванович налил себе свежего чая и ушел в большую комнату, сел на диван и достал с полки низкого журнального столика толстый альбом с фотографиями. Он редко брал его в руки, предпочитая не бередить душу, рассматривая лица людей, которых либо уже нет, либо связаться с ними невозможно. Здесь были старые снимки его родителей, покойной жены, совместные семейные фото с маленьким Дмитрием. И только на двух последних страницах он поместил фотографии Марины, Евгения и маленького Грегори. Егорки. Снимок дочери был один, и тот она позволила сделать с большим трудом, понимая, что некоторые вещи бывают опасны для тех, кто к ним прикасается. Виктор Иванович всматривался в красивое, словно точеное лицо Марины, так похожее на лицо ее матери, и не мог вспомнить, как дочь выглядит сейчас, после нескольких пластических операций. Она изменилась до неузнаваемости, не осталось ни единой черты от этого великолепного лица, разве только взгляд. Но — так было нужно, и Виктор Иванович смирился, как смирился и Хохол. И только Грегори нет-нет да и припоминал матери перемены, которые его испугали. Он, разумеется, тоже привык, приспособился, но часто вслух жалел о том, что

мать решилась измениться так сильно.

Виктор Иванович погладил пальцами глянцевую черно-белую поверхность фотографии, и ему показалось на секунду, что дочь улыбнулась уголками губ. Ей очень шла эта улыбка, смягчала жесткий взгляд чуть прищуренных синих глаз и делала лицо нежным и совсем молодым. Он никогда не знал ее подростком или юной девушкой, но почему-то был уверен, что и тогда Марина не была наивной или мягкой – не тот характер, не те условия жизни, не та среда. Если бы не железная натура и не мужской склад ума, никто не мог бы поручиться, кем стала бы эта красивая женщина. Но она сумела подняться над обстоятельствами, предоставленными ей судьбой, сломала их и выстроила по-своему. И до сих пор она живет только так, как хочет сама, предоставляя остальным право присоединиться или уйти. И он, Виктор Иванович, в свое время сделал выбор и остался рядом. С годами отношения стали немного лучше, Марина, взрослея, немного оттаяла и попыталась если не простить отца, то хотя бы перестать обвинять, и это очень облегчило общение. Он был благодарен ей и за это, понимая, как трудно было гордой и самостоятельной дочери переступить через свою давнюю детскую обиду.

Самым неприятным в сложившейся сейчас ситуации Виктор Иванович считал возможную встречу Марины и Дмитрия там, в N. Конечно, шансов на то, что брат узнает сестру в ее новом облике, практически нет, но мало ли нюансов. И

этой встречи Виктор Иванович страшился, как ничего больше. Его дети, его кровь – и по разные стороны. Наверное, похожие эмоции испытывали те, чьи родные оказывались противниками в гражданских войнах – не дай бог никому.

Виктор Иванович закрыл альбом и долго сидел, не в силах пошевелиться или убрать руку с бархатной обложки. «Я стал совсем старый, любая новость высасывает из меня все больше сил и эмоций, а восстанавливаться потом с каждым разом труднее. Если сейчас все закончится хорошо – ну, по крайней мере, благополучно, – непременно приму Маришино предложение и поеду к ним, поживу там подольше, с внуком пообщаюсь», – решил он и убрал альбом на место.

Чай остыл и казался кислым, настроение тоже почему-то испортилось. «Зачем все-таки Дмитрий ввязался в эту авантюру с выборами? – думал журналист, направляясь в кухню и снова щелкая там кнопкой чайника. – Несколько лет он спокойно работал начальником службы безопасности одного из банков, зарабатывал хорошие деньги – к чему теперь эта суета? Неужели есть что-то такое, о чем я просто не знаю? Какие-то скрытые мотивы? Мы так давно не говорили с ним по душам. Может, я оттолкнул его, и теперь сын не хочет посвящать меня в свои дела? Раньше не было такого. Надо попытаться вернуть прежние отношения, может быть, это позволит мне разобраться и понять?»

Но сын всячески уклонялся от предложений встретиться, чем очень удивлял Виктора Ивановича. Дмитрий ссы-

лался на большое количество встреч, консультаций и разной бумажной волокиты, связанной с регистрацией кандидата и прочей околорыборной кухней.

– То есть ты даже не хочешь посмотреть примерные тексты статей в газеты? – настаивал Виктор Иванович, слегка уязвленный отговорками сына.

– Бать, ну, отправь их моему пресс-атташе, и все. Она глянет и мне коротенько расскажет.

– Твой пресс-атташе – женщина? – чуть удивленно спросил Виктор Иванович, и Дмитрий как-то неохотно подтвердил:

– Да. Это что-то меняет?

– В общем-то, нет, просто я всегда думал, что подобные вещи лучше все-таки доверять мужчине.

– Это, батя, сексизм, – засмеялся Дмитрий, – сейчас равноправие. Лиза – умная девушка с хорошим образованием, профессиональный пиарщик, мне ее рекомендовали как специалиста высшего класса. А то, что она женщина, вообще никакой роли не играет.

– Ты так оправдываешься, словно я тебя в чем-то уличил, – подколот Виктор Иванович и вдруг понял, что попал в точку – у сына роман с этой неведомой Лизой.

Нужно было как-то отходить от неприятной, как почувствовал отец, для сына темы, и Виктор Иванович заговорил о сроках поездки:

– Ты же хочешь, чтобы я с тобой ехал? Или моя помощь

нужна только здесь?

– Ну что ты, бать! – с ощутимым облегчением в голосе отозвался Дмитрий. – Я на тебя рассчитываю, у тебя же и там на телеканале подвязки были, помнишь? Могут пригодиться. И потом – поможешь мне речь немного отшлифовать, а то я, сам же знаешь, люблю что-нибудь эдакое ввернуть.

«У тебя для этого есть пресс-атташе», – едва снова не съязвил Виктор Иванович, но вовремя удержался:

– Хорошо. Ты, главное, предупреди меня хотя бы дня за три, я уже не мальчик, разучился собираться по тревоге.

– Конечно. Ты не волнуйся ни о чем.

«Если бы», – вздохнул про себя отец, возвращая мобильный на стол.

– Мы здесь уже неделю. Когда, в конце концов, я смогу выйти из дома? Я что – арестантка?

– Жить хочешь? Сиди и не рыпайся. Поддался на твои уговоры, надо было оставить там! Будешь теперь нудить под ухом! – В голосе раздражение, в глазах – откровенная ненависть, так и убил бы, если бы мог.

– Я тебя тоже люблю, – побольше мягкости, меньше эмоций, продемонстрировать покорность – он же это любит, скотина... – Зачем мы постоянно кусаем друг друга? Ведь я хочу только помочь тебе... – ласково обнять за плечи, положить голову на плечо, поцеловать в ухо. – Ну что ты... расслабься, милый, это же я...

Убаюкивающий голос и мягкие, пахнущие гортензией руки успокаивают, снимают напряжение легкими движениями. Действительно, надо расслабиться и подумать обо всем спокойно. Старых связей почти нет, надо как-то восстанавливать, искать. Нужен помощник, а лучше – несколько в дополнение к тому, что уже работает. Но кого шевелить? Пробовать поднимать старые связи дорогой родственницы? Могут не согласиться, а никаких инструментов воздействия у него нет. Плохо, когда остаешься в одиночестве – прямо как по минному полю в темноте гуляешь, чуть не туда ступил – и привет.

– Ты точно хочешь мне помочь?

– Милый, а как ты думаешь? Я твоя жена, я всегда с тобой заодно.

– Это хорошо. Надеюсь, ты будешь об этом помнить. И в нужный момент сделаешь правильный выбор.

«Так... а вот это лишнее, дорогой. Если это именно то, о чем я сейчас думаю, то ты здорово рискуешь. Я никогда больше не позволю себе выбрать не ее. Однажды оступилась – больше не повторяю».

Глава 11

Урал

– Мне вот что интересно, Леон, а как скоро появится Бес? – Ворон сидел в кресле, закинув ноги на край стола, курил и вертел во второй руке бокал с плескавшимся на дне виски. – Ну, ты что думаешь?

Леон, стоя у окна, смотрел сквозь раздвинутые пальцами плашки жалюзи во двор клуба, где была припаркована машина Ворона. В ней по распоряжению Леона должна была постоянно находиться охрана из двух человек и водитель, но сейчас, насколько он мог видеть, салон был пуст. «Сегодня же всех троих вон. Но кем заменить? Нужны проверенные люди, а где их взять? Верить никому нельзя, надо искать кого-то из людей Наковальни, а для этого придется обращаться к Хохлу, ничего не поделаешь. Иначе голова моего хозяина рано или поздно будет напоминать дуршлаг».

– Леон, ты оглох, что ли? – чуть повысил голос Ворон, и телохранитель, машинально поднеся руку к отсутствовавшему уху, откликнулся:

– Нет, я слышу. Задумался.

– Ну, так поделись, чего надумал.

– Если вы про Беса, то я думаю, что он, скорее всего, уже здесь, просто осматривается.

– Чего ему осматриваться? Поди, не в незнакомое место приехал, тут ему давно каждый куст родной, – фыркнул Ворон и сделал глоток.

Леон чуть заметно поморщился – не любил, когда хозяин начинает пить в первой половине дня, это значит, что к вечеру он будет уже прилично навеселе, а в таком состоянии его совсем невозможно контролировать. В ситуации, когда непонятно, откуда может грозить опасность, подобные вещи очень напрягают. Но не отбирать же у него бутылку, в самом деле...

– Это понятно, что место знакомое. Тут вопрос в другом – он же как бы официально исчез. Дело, кстати, у полицейских не закрыто, он так и числится пропавшим без вести.

– Странно... – протянул Ворон, – как это Гриня не предусмотрел такой вариант? Мог бы Грищуку, начальнику-то, и зарядить, чтобы дело тихо прикрыли.

– Скорее всего, Грищук не в теме, потому дело и не закрыто до сих пор. Следовательно, появиться в городе без риска быть узнанным Бес не может. И это ему сильно мешает. Выход один – пластика, но на это нужно время.

– И ты думаешь, что Бес не предусмотрел это, когда продумывал операцию по свалу отсюда? – с сомнением спросил Ворон и взял новую сигарету.

– Думаю, что нет. У него просто не было на это времени – вы вспомните, как скоропостижно это все произошло, – напомнил Леон.

– Да ладно! – скривился Ворон. – Наковальня еще когда этот план хитрый раскусила... она ж с охранником Беса мутила тут, ну а этот Жорка и помогал Бесу исчезнуть. Так что время у них было. Нет, здесь не в этом дело... Кстати, надо бы аккуратно Грищука пощупать – вдруг скажет чего.

Леон снова поморщился. В пользу разговора с начальником городской полиции он не особенно верил, да и с каким вопросом к нему подойти? Мол, скажите, уважаемый, а как там дело о пропаже мэра нашего бывшего поживает? И получить встречный вопрос – с чего такой интерес? Нет, здесь нужно иначе действовать, хитрее...

– Грищук ведь баню любит, – задумчиво проговорил он, оставляя в покое жалюзи и поворачиваясь к Ворону.

– Ну?

– Так пригласите его в субботу. Попаритесь, пивка выпьете, глядишь, разговор и завяжется.

Ворон опустил ноги на пол и почти с уважением посмотрел на телохранителя:

– А тебе жбан-то, смотрю, не стряхнуло взрывом, Леон, соображаешь. Это хорошая мысль – про баню. Я ему вечером позвоню.

– Тогда не пейте пока больше, – буркнул Леон, кивая на бутылку виски.

Ворон с сожалением посмотрел на нее, но все же решительно закрутил пробку и отставил бутылку на дальний край стола.

– Занудный ты, Леон, правильный. Тебе б учителем работать.

– Мне и тут не дуется. У вас ко мне нет пока поручений? – спросил Леон, мечтая об одном – чтобы Ворон не вспомнил о данном ему дне на уточнение некоторых моментов в досье генерала Коваля. Они с Хохлом так и не решили, говорить ли Ворону о родстве кандидата и Наковальни, договорились действовать по ситуации, и Леон, как мог, обходил скользкую тему.

Сегодня, к счастью, обошлось – Ворон был слишком увлечен предстоящим визитом Грищука, а потому не вспомнил о своем поручении, и Леон перевел дух, когда услышал:

– Нет, ты можешь вообще до вечера уехать, своими делами заняться, а к восьми вернись.

Кивнув, Леон вышел из кабинета и спустился по черной лестнице во двор, к машине. Ни охраны, ни водителя в ней по-прежнему не было, и он решил немного пощекотать нервы не в меру расслабившимся, вопреки приказу, работникам. Оглядевшись вокруг, Леон увидел ржавую консервную банку, быстро набросал в нее мелких камней, прикрутил пару проводов, отрезав их от забытой на дереве новогодней гирлянды, и сунул конструкцию под днище «Мерседеса», закрепив для надежности изолентой, вынутой из багажника.

– Ну, теперь поглядим, кто на что способен, – пробормотал он, отряхивая руки и выходя из двора.

Дел у него не было, но сидеть до вечера в клубе тоже не хотелось, поэтому Леон предпринял небольшую прогулку в торговый центр. Руки в тонких перчатках постоянно были неприятно влажными, но снимать их на людях он уже отвык – недостающие пальцы и ужасные рубцы всегда привлекали внимание. «Интересно, как Жека с такими живет?» – подумал он вдруг, вспомнив изуродованные кисти Хохла. Мимо пробежали две миловидные молодые женщины в ярких летних платьицах – как два цветочных букета на ножках-каблукках. Одна из них обернулась и, весело глянув в лицо Леона, подмигнула. Он улыбнулся в ответ – нечасто ему перепали теперь такие знаки внимания. До взрыва злополучной гранаты там, на Севере, посреди тундры, Леон был привлекательным мужчиной, не обделенным женским вниманием, но жениться так и не успел и теперь считал, что это к лучшему – если бы после ранения жена ушла от него, это могло стать последней каплей. А так – ну, подумаешь, глаза нет, уха нет, лицо в шрамах и пальцев на одной руке не хватает, кого это волнует?

Оказалось, это взволновало ту самую улыбчивую девушку, потому что буквально через пятнадцать минут Леон снова наткнулся на нее, но уже гуляющую в одиночестве, и она опять улыбнулась ему и даже чуть замедлила шаг. Растерявшийся Леон проскочил мимо и подумал, что возвращаться уже некрасиво – еще подумает, что он собирается приставать. Но девушка сама его догнала и дотронулась легкими

пальчиками с бежевым маникюром до его локтя:

– Простите, пожалуйста... а вы меня совсем не помните?

Леон замер как вкопанный и вытаращил на девушку единственный глаз, но никак не мог вспомнить этого миловидного личика, как ни старался.

– Я Лиза, сестра Михаила Локтева.

У Леона гулко бухнуло в груди – Лиза... Маленькая Лиза, цеплявшаяся за камуфляжные брюки старшего брата там, на вокзале, перед их последним рейдом туда. Сколько же ей было? Лет десять? Да, не больше... Мишка не вернулся из той поездки, погиб в «зеленке», снятый выстрелом снайпера прямо в прицел, а Леон, раненный в плечо и грудь, так и не узнал, где его похоронили. И вот – Лиза...

– Как же... как же вы узнали меня? – тяжело вывернул он, стараясь встать так, чтобы девушка попала в поле зрения единственного глаза.

– По взгляду, – просто сказала девушка, – я почему-то вас часто вспоминала, и именно взгляд.

Леон не знал, как вести себя – им впервые овладело такое смущение, его, взрослого мужика, прошедшего войну и много еще чего – после. Он впервые вдруг осознал, как выглядит, и ужаснулся – как же Лиза не побоялась подойти?

– Я вас, наверное, отрываю? – спросила она. – Так обрадовалась, когда знакомое лицо увидела... Я ведь уже давно в Москве живу, там и университет окончила, и работу нашла. А сюда по делам приехала, вроде как в командировку. Гуля-

ли с подружкой – и вдруг вы... – выпалила Лиза скороговоркой. – Мне правда очень приятно вас увидеть, Леня.

Леон вздрогнул – свое имя он почти забыл, пойдя работать в охрану Ворона – все Леон да Леон...

– Лиза, если вы не заняты... может, кофе? – решился он и испугался, что сейчас девушка выдумает сотню предлогов и откажется.

Но она, бросив взгляд на наручные часы, кивнула:

– Я совершенно свободна до семи.

– Это совпадение – я тоже свободен именно до этого времени. Так что – идем?

– Ну, ведите, я здесь уже совсем ничего не знаю, даже улицы с трудом узнаю, – улыбнулась Лиза и непринужденным жестом взяла Леона под руку.

Они сидели в кафе на третьем этаже торгового центра, и Леон ловил себя на мысли о том, что ситуация сложилась странная. Он помнил эту молодую женщину совсем девочкой, ребенком, сестрой его лучшего друга – и теперь пьет с ней кофе и никак не может поверить, что она выросла. Мишка, наверное, не одобрил бы...

– ...вы меня совсем не слушаете, Леня, – вплыл в его сознание голос Лизы, – я вас, наверное, совсем заболтала, да?

– Нет-нет, что вы... я просто задумался, – восторженно воскликнул Леон, – а здесь вы в командировке?

– Леня, пожалуйста, не говорите мне «вы», хорошо? – по-

просила она, серьезно глядя на него. – Мне ужасно неловко...

– Но тогда и ты меня тоже называй просто по имени и без «ВЫ».

– Не обещаю. Не обижайтесь, Ленья, я так сразу не могу... трудно перестроиться. Но со временем обязательно, – и после этих слов Леон воспарил – значит, она собирается продолжать общение с ним. «Но на вопрос так и не ответила», – не мог не отметить он и переспрашивать не стал.

– Жалко, что дом наш снесли, – сказала Лиза, помешивая трубочкой напиток в высоком бокале. – Я специально ходила, искала – но нет, там новостройки уже.

– Да, тот район очень быстро застроили, буквально за пару лет. А ты в гостинице остановилась?

– Нет, мне работодатель снял квартиру, я же сюда надолго, – и опять ни слова больше о работе, ловко перевела разговор: – А Мишу здесь похоронили, вы знаете? Мама в прошлом году приезжала, говорит – памятник очень хороший. А я была только на похоронах...

– Если хочешь, можем вместе съездить. Я-то не был, – признался Леон, – даже не знал, что его сюда привезли – в госпитале был, а когда вернулся, мать твоя уже отсюда уехала.

– Да, мы почти сразу после похорон в Москву перебрались, у мамы там брат, он помог. А на кладбище давайте съездим, конечно. Миша рад был бы. Вы кем работаете, Ле-

ня? – вдруг спросила Лиза, и Леон чуть криво усмехнулся.

Говорить правду он, разумеется, не стал – да и как объяснишь его теперешний род занятий? Потому брякнул первое, что пришло в голову:

– Шофер я, – и увидел, как в глазах Лизы мелькнула тень сомнения, – не веришь? Думаешь, что с одним глазом не берут?

Лиза пожала плечами:

– Зачем бы вы стали мне врать? Если водитель хороший, то ему и один глаз не помеха. Леня, можно, я спрошу?

– Спрашивай. Я даже знаю, о чем. Нет, это не военное ранение, это уже на гражданке баллон с газом рванул, – спокойно ответил Леон, использовавший эту легенду постоянно при ответах на подобный вопрос. – Что – сильно страшно?

– А перчатки вы не снимаете тоже поэтому? – словно опять не слыша вопроса, спросила она.

– Тоже.

Лиза умолкла, потом вдруг наклонилась через стол и взяла Леона за руку, обтянутую тонкой кожей перчатки. С усилием девушка стянула ее и положила на стол. Леон напряженно всматривался единственным глазом в ее лицо и ждал, когда же, в какой момент его исказит гримаса отвращения, но Лиза совершенно спокойно погладила изуродованную кисть и тихо сказала:

– Леня, чего вы стесняетесь? Это же такая мелочь. Вы очень красивый человек, и ничто вас не портит. – Она чуть

сжала его руку и виновато попросила: – Вы меня простите, ладно? Наверное, не стоило так делать... но... мне хотелось самой увидеть.

– Увидела? – мрачно спросил Леон, отнимая руку и снова натягивая на нее перчатку.

– Да.

Повисло неловкое молчание, а потом Лиза, поднимаясь из-за стола, вдруг сказала:

– Я так обрадовалась, когда сегодня вас увидела. Я много о вас думала, часто вспоминала... это, наверное, детское воспоминание – когда вы к нам приходили. И я всегда думала, что, когда вырасту, выйду за вас замуж... глупо, да?

Леон часто заморгал – ему, понятное дело, и в голову такое прийти не могло. Да он и не замечал ее в те годы – десятилетнюю малышку. Ну, сестренка друга – не больше.

– Вы не проводите меня до остановки? – попросила Лиза. – Машину мне пока не дали, приходится пользоваться общественным транспортом.

Леон тоже поднялся:

– Конечно, провожу. Тебе далеко?

– Нет, не очень. В центр, тут две остановки на автобусе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.